

П.П. Инфантьев

Побег

Повесть из сибирской жизни

Оглавление

I. Полярная ночь	2
II. Ссылные.....	4
III. Немножко прошлого	8
IV. Якуты	11
V. Приготовления к побегу	14
VI. На оленях	18
VII. «Лакомое блюдо». Город Верхоянск и Верхоянский округ	19
VIII. Якутский оратор	21
IX. На собаках	25
X. Пурга	27
XI. На берегу Ледовитого океана	29
XII. Ламуты и оленные тунгусы	32
XIII. Шаман	37
XIV. Охота на моржей	40
XV. Океан освобождается от льда	44
XVI. По Ледовитому океану на лодке	46
XVII. Морж и белый медведь	48
XVIII. На плавающей льдине	50
XIX. Пустынный остров	52
XX. Нижне-Колымск и Колымский округ	55
XXI. На лодке по р. Малому Анюю	56
XXII. Ход оленей	60
XXIII. Живое облако	63
XXIV. Анюйская ярмарка	65
XXV. Страна чукчей и её обитатели	69
XXVI. Поездка в «самую дальнюю дорогу»	72
XXVII. Кровавая страница из истории чукотско-коряцких отношений	77
XXVIII. На корякской свадьбе	80
XXIX. Среди эскимосов	82
XXX. Американские китоловы-контрабандисты	86

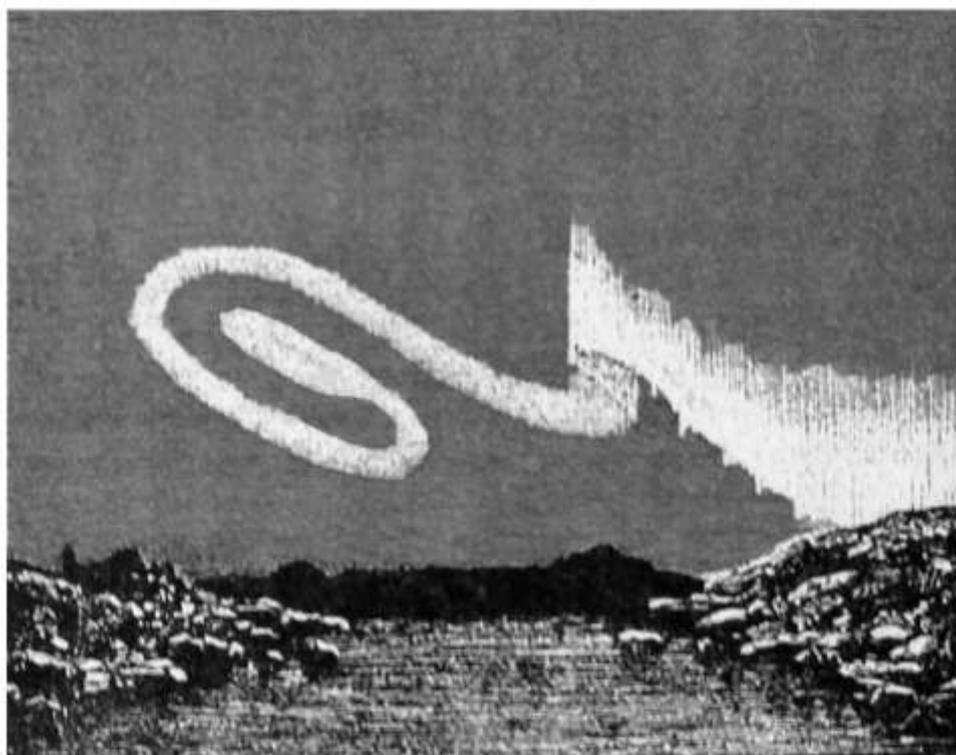
I. Полярная ночь

Уже второй месяц над окрестной тундрой не показывалось солнце и стояла непрерывная полярная ночь; более недели назад исчезли последние следы полуденных сумерек; не видно было даже и звёзд, потому что постоянный лёгкий туман почти в течение всей зимы окутывал небо. Кроме неясного отблеска вверху, которым как будто оттенялись очертания каких-то холмов на западе, не было и признака, что в этой стране появляется солнце. Крутом стояла непроглядная темнота, точно в преисподней. И в это же время безмолвная тягостная тишина царила всюду, и казалось, что в этом тёмном, мёртвом царстве нет и не может быть места никакому живому существу, и что эта безграничная ночь никогда не кончится...

Но вот где-то далеко на севере неожиданно стали появляться отблески яркого сияния, — и вдруг весь северный горизонт опоясался широкою, волнующеюся и ярко светящеюся дугою, озарившею пустынные снежные окрестности розоватым колеблющимся светом. Вскоре из этой дуги начали выскакивать до самого зенита яркие пучки лучей, а затем в нескольких противоположных точках горизонта стали подниматься огненные столбы, пока не слились в одно мерцающее пламенное море, которое ежеминутно изменяло форму своих светящихся волн. Наконец, все эти волны лучей скопились в общий живописный световой купол в одной точке небесного свода и образовали как бы венец. И в то же время красные, зелёные и бледно-жёлтые лучи с необыкновенною быстротою летели по всему обширному небесному пространству, так что всё небо представляло из себя какое то дивное, не поддающееся описанию зрелище, постоянно изменявшее свой вид и свои формы.

При этом чудном освещении всё на земле в этом полуночном царстве окрасилось также в волшебный цвет. Вершины соседних гор были одеты мерцающим блеском, который как будто выходил из скал, словно из огнедышащих кратеров; очертания их дрожали и колебались, и чудилось, будто все предметы, бывшие на земле, не существовали на самом деле, а были лишь созданы одной мечтой. А

безмолвие ночи ещё более усиливало прелесть этого дивного зрелища.

Северное сияние.

Кругом была холмистая пустыня, покрытая снежной пеленой, и ни одного живого существа не было видно на ней.

Однако и здесь жили люди. При блеске этого волшебного света можно было заметить среди безбрежной снежной тундры, возле извивавшихся змеёю крутых берегов какой-то речки, несколько небольших деревянных якутских юрт, построенных из тонких брёвен и имевших форму усечённой пирамиды. Сверху эти юрты были обложены толстым слоем дёрна, глины и травы. Вместо стёкол в небольших оконцах были вставлены или по паре льдин, или натянуты плёнки из рыбьих пузырей. Каждое оконце освещалось изнутри, а из дымовых отверстий наверху каждой крыши прямыми столбами поднимался кверху дым. Был сильный мороз.

Лишь только началось северное сияние, озарившее своим светом деревушку, как среди неё, в глубокой тягостной ночной тишине, вдруг пронёсся какой-то жалобный, протяжный стон. Мало-помалу этот стон усилился, и вскоре вся атмосфера точно наполнилась этими зловещими, стонущими звуками, от которых кровь стыла в

жилах у слышавших их. Это был сигнальный лай сибирской собаки. Тотчас же к этому стонущему вою присоединилась другая собака, третья, четвёртая и так далее, пока, наконец, не раздался адский хор сотен собак, которых у якутов, как у охотников, всегда имеется большое изобилие.

Якутская деревня.

Около минуты или двух небо и земля были наполнены этими дикими завываниями. Собаки выли, глядя на северное сияние, и в этом хоровом вое они, казалось, хотели излить свою горькую собачью долю перед кем-то невидимым, но таинственным и всемогущим. Потом одна собака за другой стали умолкать, и скоро снова всё погрузилось в гробовую тишину. А вслед за этим начал мало-помалу бледнеть и венец световой дуги; она как бы разорвалась на-двое; лучи, исходившие из неё, стали редеть, делаться короче и бесцветнее. Следом за этим по всему небосводу разбросались широкие, бледные светящиеся пятна, постепенно слившиеся в одно беловатое, нежное облако.

Наконец, тёмная ночь поглотила снова всё это чудное зрелище, и снова зимний мрак покрыл пустынный ландшафт...

II. Ссылные

Одна из юрт деревушки находилась несколько в стороне от других и отличалась тем, что у неё были стеклянные окна, прикрытые

ставнями, сквозь щели которых просвечивал огонёк. Внутренность юрты, не говоря уже про убранство, также несколько отличалась от внутренности якутских юрт. Вместо чувала, обыкновенно находящегося в центре якутской юрты, была устроена в одном из углов русская печь, а подле стен, вместо нар, скамейки и две деревянных кровати, правда, сколоченные кое-как, но прикрытые не меховыми, а тёплыми байковыми одеялами. В переднем углу стоял большой стол, весь заваленный книгами и старыми, уже затасканными, газетами, а в другом углу другой стол, поменьше, для обедов; на последнем стоял самовар и чайная посуда. Две-три деревянных простеньких табуретки довершали меблировку. По стенам висели, вместе с якутскими тёплыми меховыми кухлянками, также и европейские пиджаки и брюки. Тут же виднелись две берданки и принадлежности к ним. По всему видно было, что здесь жили не якуты.

За столом, освещённым глиняной плошкой с тюленьим жиром, сидел белокурый молодой человек, лет 25, с интеллигентным, открытым русским лицом, обрамлённым небольшой русой бородкой, и читал какую-то книгу; а на одной из кроватей, закинув обе руки за голову, лежал другой, почти одних лет с первым, с чёрной вьющейся бородой и чёрными же шелковистыми локонами, спадавшими ему на плечи, и о чём-то сосредоточенно думал, уставившись глазами в потолок.

— Ты что это всё валяешься? Смотри, ведь так недолго и до цынги достукаться, — заметил белокурый товарищ, отрываясь от книги.

— Нет, ты представь: двенадцать лет! Да ведь это значит придётся всю жизнь или, по крайней мере, все лучшие годы своей жизни пробыть в этом гиблом месте, а может быть даже и помереть здесь! — произнёс тот, по-видимому, отвечая скорее на свои мысли, чем на замечание товарища.

— Э, он вон о чём! Заскучал сердечный! — иронически произнёс белокурый. — Ну, зачем же так отчаиваться? Почему это ты думаешь, что мы тут будем весь свой срок отбывать? По прошествии известного времени мы можем просить о переводе нас в более светлые и тёплые местности.

— Долгая, брат, это песня! Улита едет, когда-то будет, а «годы проходят, все лучшие годы».

— Против рожна ничего не поделаешь. Надо быть фаталистом и терпеливо тянуть ту лямку, в которую нас впрягла судьба.

— Ты положительно сегодня возмущаешь меня своей идиотской философией. Терпеливо тянуть свою лямку! Ни за что! — вскричал чёрный, быстро вскакивая с постели и гневно сверкая чёрными глазами.

— Вишь, какой приткий! Ну, а что, кроме терпения, ты можешь предложить?

— Бежать! — энергично потрянув кудрями, сказал чёрный.

— Бежать? — удивлённо вскинув на него глазами, повторил белокурый. — Ха-ха-ха! Да ты никак рехнулся? Желал бы я знать, как это и куда ты побежал бы?

— Бежать хоть к самому дьяволу в пасть, но только не киснуть и не подыхать здесь на одном месте! Неужели же мы настолько жалки, слабы и трусливы, чтобы добровольно обречь себя почти на явную, неизбежную смерть в этом проклятом месте, не попробовав даже спастись, пока мы ещё молоды и здоровы?

— Погоди, не горячись. Ну, положим, мы бежим и даже благополучно доберёмся до пределов Европейской России. Что же дальше? всю жизнь оставаться на нелегальном положении? Скрываться под чужим именем до тех пор, пока вновь не заберут и не сошлют куда-либо в ещё более гиблое место и под более строгий надзор? Благодарю покорно! Это не стоит овчинка выделки, как говорят сибиряки.

— Кто тебе говорит, что нужно бежать непременно в Россию?

— А куда же?

— Да хотя бы в Америку.

— В Америку?! — снова изумился белокурый. — Отсюда в Америку? Это уж не через Ледовитый ли океан на льдине?

— Глуп ты, брат, как я погляжу. Да почему бы нам не бежать в Америку хотя бы по Чукотскому Носу и через Берингов пролив?

— Ха-ха-ха! — снова засмеялся белокурый. — Нет, ты положительно рехнулся. Бежать в Америку через Берингов пролив!

Да ведь, чтобы добраться до Берингова пролива, на одно это, пожалуй, не один год придётся употребить. Бежать через голую, дикую, пустынную, неизвестную страну, где, кроме белых медведей да волков, никто не живёт, — но ведь это, действительно, нужно рехнуться, чтобы отважиться на такое предприятие?!

- Вот и врешь! Кроме диких зверей, там живут и люди. А про чукчей ты позабыл? Живут же они там круглый год и не помирают. Чем же мы хуже их? Да, наконец, не всё ли равно: если нам суждено помереть от холода, голода и лишений, то разве мы здесь-то чем-либо гарантированы от этого? Там есть надежда, что мы всё-таки в конце концов можем спастись; здесь же почти решительно никакой. Ведь захворай кто-нибудь из нас, — ни врача, никаких лекарств здесь нет. Да пусть через три, через пять, наконец, лет мы доберёмся до Берингова пролива, это всё же лучше, чем сидеть здесь в бездействии и ждать какого-то чуда, которое могло бы нас спасти. Лучше подвергнуть себя тысячам опасностей в пути, чем медленно умирать и нравственно, и умственно, и физически ... Эх, брат, жизнь даётся один только раз, и лучше прожить её среди тысячей опасностей, чем гнить в безопасности на одном месте. Да что за опасности могут угрожать нам? Ведь путешествовали же по этим неведомым местам европейцы. Вспомни хотя бы Миддендорфа, Врангеля, Кеннана, наконец. Почему мы не можем сделать того же самого?

— Но ты забываешь, что они были обставлены всем необходимым для своих путешествий: у них были денежные средства для этого.

— Вот вздор какой ты мелешь! Денежные средства! Да на кой чёрт тут деньги? Великое ли они имеют значение среди диких инородцев? У нас с тобой по берданке, и этого совершенно достаточно, чтобы прокормиться. Если дикари умеют себя прокармливать часто одним только луком да стрелами, то неужели мы не прокормимся нашими винтовками? Обставлены всем необходимым! Ну, а первые искатели приключений в этих местах, — например, Челюскин, Дежнёв? Да со своими тогдашними кремнёвыми ружьями они были даже в худшем положении, чем мы, и однако же это им не помешало сделать свои великие открытия и исследования вдоль берегов Северного Ледовитого океана!

Белокурый давно уже бросил книгу и теперь встал из-за стола и, точно зажжённый речами своего приятеля, в волнении заходил из угла в угол по юрте. Он сам давно помышлял о бегстве, но не смел высказывать своих мыслей товарищу, боясь, что тот назовёт его праздным мечтателем. Впрочем, он мечтал о побеге в Россию, а возможность бежать в Америку ему никогда и в голову не приходила. И вот теперь голова его быстро заработала в этом направлении.

В самом деле, отчего им не бежать в Америку? Это гораздо легче и удобнее, чем бежать в Россию. Во многих отношениях бежать в Россию рискованнее, потому что их могли скоро хватиться и поймать дорогой, тогда как отправляясь в совершенно противоположную сторону, они меньше могли опасаться быть схваченными. Кому, в самом деле, забредёт в голову мысль, что они решились бежать не в Россию, а куда-то через северные пустынные страны в Америку? И приятели занялись подробной разработкой плана бегства.

III. Немножко прошлого

Назаров и Бельский попали под суд по одному делу и были приговорены к ссылке в отдаленнейшие места Сибири на 15 лет. Ранее они были мало знакомы друг с другом, но их сблизила общая участь. Они близко сошлись только во время длинного этапного пути от Петербурга до места их теперешнего жительства.

Это было в середине 70-х годов. Сибирской железной дороги тогда ещё не существовало. До Нижнего они были отправлены с партией ссыльных по железной дороге, оттуда водой на пароходе по Волге и Каме до Перми; из Перми до Екатеринбурга они были доставлены на подводах вместе с пешими уголовными, пересылаясь с этапа на этап, до Тюмени, где вновь были посажены на баржу, и по Иртышу, а затем по Оби доставлены в Томск; оттуда снова следовали на подводах через Иркутск, Верхолениск и Киренск до реки Лены, где их опять посадили на баржу и довели до Жиганска, находящегося уже на границе полярного круга; из Жиганска же их отвезли с провожатыми до того улуса, который был назначен для их постоянного жительства. Весь этот огромный путь они совершили с разными

остановками и пережиданиями во встречных на пути тюрьмах в течение почти целых двух лет.

В указанном им для жительства наслеге они застали ещё трёх ссыльных, живших в той самой юрте, в которой они теперь поселились. Но вскоре после их прибытия эти ссыльные были переведены в другое место, и юрта осталась в их распоряжение как бы по наследству. Это было большое счастье для наших двух приятелей, так как, не будь этого, им привелось бы или самим своими руками строить себе юрту, или жить где-либо в одной юрте с якутами и их скотом вместе.

Назаров с Бельским жили в этом наслеге уже вторую зиму. Условия, при которых им приходилось существовать, были самые суровые. Они были почти совершенно оторваны от всего цивилизованного мира. Почта из России приходила к ним всего два раза в год, да и то случайно, с оказией. Ближайшие ссыльные находились в Верхоянске, вёрст за 200 от них, и за дальностью расстояния сношения с ними, разумеется, не могли быть частыми. Им приходилось в полном смысле бедствовать и переносить всевозможные лишения. В то время самые насущные для культурного человека предметы здесь были баснословно дороги. Ржаная мука, например, стоила 12 — 15 руб. пуд, сахар 1 руб. 50 коп. фунт, тысяча спичек 1 руб. и т. д., да и то все подобные вещи можно было приобретать только случайно от якутских и русских кулаков, наезжавших иногда для скупки у якутов продуктов их промыслов.

Бельский был сын богатых родителей, но деньги от родных, которые ему были переданы по прибытии на место назначения, он успел уже израсходовать на приобретение самого необходимого для себя и своего товарища, так как у Назарова с самого начала ничего не было, кроме казённого пайка. А между тем из России они оба со времени приезда почему-то не получали никакой помощи. Деньги Бельскому, конечно, посылались, но они до него не доходили, а застревали в чужих руках. И волей-неволей таким образом приятелям приходилось вести почти такую же жизнь, какую вели окружавшие их дикари-якуты. Они принуждены были сами промышлять для себя всё, начиная с пищи, охотой. По счастью, в

окружающей тундре водились в изобилии и лоси, и олени, и недостатка, по крайней мере, в мясной пище у них не было. А весной налетали сюда целые тучи разнообразной пернатой дичи; кроме того, реки кишели рыбою, так что с голоду помереть было трудно. Но одна мясная и рыбная пища, без приправ, без овощей, без хлеба, для непривычного человека была большим лишением; а вследствие суровости климата никакие посевы здесь были немыслимы. Рубить и запасать дрова, а равно ремонтировать свою юрту они также принуждены были сами своими руками. Впрочем, все эти физические работы на свежем воздухе были даже необходимы, иначе в этой гиблой стране, где долгая ночь продолжается в течение нескольких месяцев, они погибли бы от цинги.

Положение их ухудшалось ещё тем, что они не знали якутского языка, а из окружавших их якутов только один кое-как, с грехом пополам, мог объясняться по-русски. И нашим приятелям волей-неволей привелось засесть за изучение языка того народа, среди которого им приходилось жить. Недостатка в учителях у них не было, так как их постоянно навещал кто-либо из соседей, привлекаемый или ржаным хлебом, который они сами стряпали, или, в особенности, табаком, без которого якуты не могут обходиться, но доставать который здесь было чрезвычайно трудно и дорого. Таким образом с языком они освоились довольно скоро и ко второй зиме уже свободно объяснялись по-якутски. Знание этого языка им пригодилось в особенности впоследствии, так как якутский язык во всей северо-восточной Сибири гораздо более распространён, чем русский.

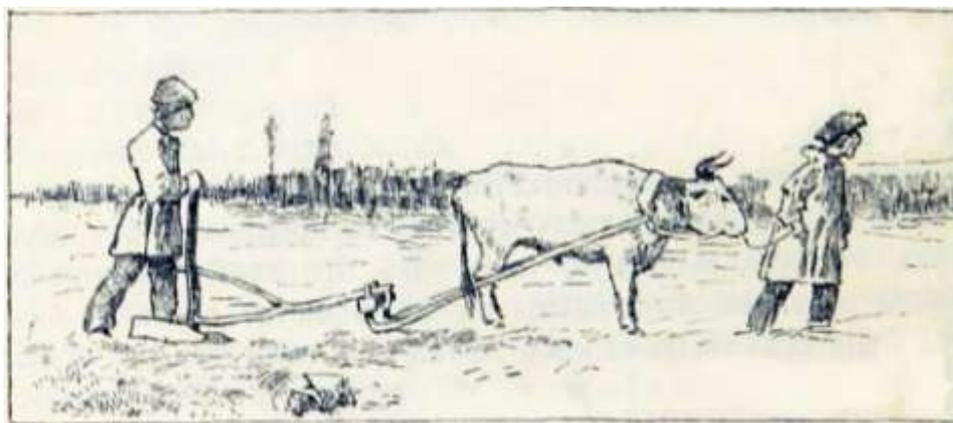
Но самым ужасным лишением для наших ссыльных, разумеется, было долгое отсутствие дневного света. В течение почти трёх месяцев солнце здесь зимою не показывается на горизонте, и одна только луна, северное сияние да предрассветные сумерки сокращают эту долгую, тёмную, полярную ночь. В это время не только наши приятели, но и якуты в большинстве случаев безвыходно сидели по своим юртам, потому что это время совпадает обыкновенно с самыми страшными морозами, какие только бывают на земном шаре. Верхоянск считается полюсом холодов — и нигде во всём мире

они не достигают такой страшной силы, как здесь. Морозы в 60-65 градусов здесь почти обычное явление. Во время таких морозов трескается земля и скалы; сколько-нибудь влажное дерево ломается, как начинённое порохом; топор не берёт такого дерева, а напротив, при ударе, сам разлетается вдребезги, как стекло. Птица на лету оставляет после себя струю пара и часто падает на землю мёртвою ... Разумеется, при таких морозах не до охоты и не до работы на свежем воздухе. Все стараются хорониться в тёплых углах, и даже звери сидят в норах или забиваются под снег и там отлёживаются, пережидая окончания морозов.

IV. Якуты

Но несмотря на все эти ужасы полярной страны, человек и здесь сумел приспособиться к жизни. Коренное население здешней местности — якуты.

Эти туземцы — тюркского происхождения; они одни из наиболее приспособленных к здешнему климату и наиболее живучих. В то время как большинство других сибирских туземцев год от году вымирает всё более и более, якуты не только не подвержены этому вымиранию, а, напротив, плодятся и множатся. В настоящее время всех якутов в Сибири насчитывается более 200.000 душ. Жилища их разбросаны по всей Якутской области до Ледовитого океана и Охотского моря, а также встречаются в северной части Енисейской губернии и в Корейском округе Иркутской губернии. Но главная масса их ютится более по обе стороны реки Лены.

Обработка земли.

Разбросанные на таком огромном пространстве в местностях с различными климатическими и географическими особенностями, они, разумеется, не все ведут одинаковый образ жизни. В местностях с умеренным климатом они занимаются главным образом разведением рогатого скота и ведут почти оседлый образ жизни, так как для скота приходится делать большие запасы сена на зиму и строить хлева для защиты его от зимних морозов; а в некоторых местах они уже окончательно осели и там, где этому не препятствует климат, занимаются земледелием. Но на крайнем севере, где не только земледелием нельзя заниматься вследствие сурового климата, не дающего возможности вызревать посевам, но даже и держать лошадей и рогатый скот, они живут исключительно охотой и рыбной ловлей.

Якутка.

Якуты — во всех отношениях прекрасно одарённое племя. Они искусны во всех ремёслах, которые быстро перенимают у русских, обладают большою склонностью к торговле и умеют вести торговые дела не хуже евреев. Их живучесть и одарённость доказывается тем,

что, будучи покорены русскими, они не только не потеряли своих национальных особенностей, но, напротив, сами навязали своим победителям и свои обычаи, и свой язык. Так, в г. Якутске, центре якутов, все жители несравненно более говорят по-якутски, чем по-русски, потому что все тамошние ремесленники — якуты, все няньки — якутки, и даже богатые и интеллигентные люди часто женятся на якутках, не говоря уже про простой народ, который в этом случае не отличает якутки от русской. Во многих местностях Якутской области русское население до того объякутилось, что позабыло даже свой родной язык.

Способностью к ремёслам якуты превосходят все другие сибирские народы, и некоторые якутские изделия, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить отличие на европейских выставках. Ещё задолго до покорения Сибири русскими якуты умели ковать ножи, топоры и другие орудия из виллюйской железной руды, при чём эти железные изделия отличаются тем, что не лопаются даже в самые сильные морозы, — качество, которого не имеют даже самые лучшие английские топоры. Украшения на этих изделиях поражают своим изяществом. Рукоять кинжалов искусно украшается оловом, а ножны делаются из бересты, обтянутой чёрной кожей; для прочности их оковывают жестяными полосками.

Якут не боится ни леденящего мороза полярной ночи, ни голода, который может переносить до невероятной степени. Мужественно идёт он против всех материальных лишений и препятствий. Одного лишь он боится — это невидимого мира разных злых духов. Почти все якуты официально считаются православными, но большинство из них о христианской религии имеет лишь смутное представление. Они чаще всего до сих пор придерживаются своих прежних языческих верований, главным образом, шаманства. Шаманская религия — одна из древнейших религий в мире; она больше всего сохранилась в северной и северо-восточной частях Сибири.

В нравственном отношении этот народ стоит не особенно высоко. Якуты, по большей части, хитры, пронырливы и бесцеремонны. Но зато у них очень развит обычай взаимной помощи и гостеприимства. Например, подати у них распределяются сообразно имуществу: кто

богаче, тот больше и платит, а бедные совсем освобождаются от податей. Кроме того, у них ещё сохранился старинный обычай делиться с соседями всем от своих избытков. Если якут убивает скотину, то внутренности, жир и налитые кровью кишки он делить на порции равной величины и одинакового качества и раздаёт своим соседям. Это считается настолько обязательным, что соседи сами без приглашения приходят в таких случаях за своею долей. У кого раньше других отелилась корова, тот по обычаю должен поделиться молоком с неимущими. Всякий проезжий может в любое время зайти в первую встречную якутскую юрту, где его обязаны угостить всем, что есть лучшего. Бедный якут иногда питается сам мышами, но для гостя всегда прибережёт кусок говядины. Впрочем, обычай такого гостеприимства общий у всех племён Восточной Сибири.

Семья богатого якута.

V. Приготовления к побегу

По условиям ссылки, Назаров с Бельским обязаны были жить безвыездно в Верхоянском округе, а для контроля два раза в год являться в Верхоянск в местное полицейское правление. Передвижение в пределах Верхоянского округа им разрешалось

свободно, но каждый раз при отлучках на дальние расстояния они должны были уведомлять об этом полицию.

Задумав бежать с наступлением весны, они решили просить полицию отпустить их на промыслы к устью . реки Яны, на которой стоит Верхоянск, откуда думали уже не возвращаться более в свой наслег. План у них был такой. Когда берега Ледовитого океана, в который впадает река Яна, освободятся от льда, отправиться вдоль них на лодке на восток и попытаться достигнуть устья реки Колымы, откуда, подобно якутскому казаку Дежнёву, открывшему в 1648 году, за 80 лет ранее Беринга, Берингов, ныне Дежнёв пролив, — добраться до этого пролива и затем через него переправиться на Аляску в Америку.

Они знали, что в конце лета и в начале осени Северный Ледовитый океан у берегов бывает обыкновенно свободен от льдов и по нему свободно можно сообщаться, по крайней мере на небольших туземных лодках, а потому и избрали этот путь, казавшийся им более удобным и безопасным, чем путь через неизвестные, ненаселенные, непроходимые местности материка, где не было никаких дорог. Отправляясь этим путём, они могли выдавать себя за обыкновенных промышленников, ехавших по своим делам, и, таким образом, ни в ком не возбуждать подозрения. Впрочем, в этих пустынных местах никто из туземцев, кочующих летом со стадами оленей и промысляющих морских зверей у берегов Ледовитого океана, и не стал бы у них допытываться, откуда они и кто такие, а русского начальства тоже опасаться было нечего за его полным отсутствием в этих местах.

И вот, в ожидании весны, они стали готовиться к своему рискованному путешествию. Назаров прекрасно владел английским языком, так что легко и скоро мог ориентироваться в Америке, но Бельский был в нём не силён; а потому, в ожидании пока явится возможность тронуться в путь, Назаров начал обучать своего товарища говорить по-английски.

Долгая полярная ночь кончалась. В конце декабря низко на горизонте стала появляться утренняя заря, но она была ещё настолько бледна, что от неё даже в полдень не потухали звёзды.

Постояв немного на южном горизонте, она снова скрывалась. Однако с каждым днём её пребывание на южном горизонте становилось всё продолжительнее. День мало-помалу стал превращаться сначала в предрассветные сумерки, а затем постепенно начал становиться всё длиннее и светлее. Вот стало показываться и солнце и с каждым разом всё выше и выше подниматься над горизонтом и всё долее оставаться на небе.

В начале марта приятели получили первую в этом году почту, привезённую возвратившимся из Верхоянска местным якутом. Почта в Верхоянск приходила из Европейской России, как было сказано, всего два раза в год, и отсюда рассылалась ссылкой по улусам через полицейское правление с оказией.

Можно было себе представить радость Бельского, когда он в числе разных газет и журналов, пересылаемых ему приятелями, получил с этой почтой письмо от своей сестры из Петербурга. Правда, письмо было писано ещё вскоре после его прибытия на место своего теперешнего назначения и где-то провалялось, но он был несказанно ему обрадован. Он двадцать раз читал и перечитывал это письмо и про себя и вслух своему товарищу, сопровождая его разными комментариями и рассказами о своей сестре, которую он так любил. Но вдруг он задумался над одним выражением в её письме, показавшимся ему загадочным.

«При твоей отправке в ссылку я принесла тебе в пересыльную тюрьму тёплую шубу, — получил ли ты её? — спрашивала сестра. — Шуба была куплена без мерки: боюсь, не оказалась бы она слишком узка в плечах. Но уж ты там сам как-нибудь постарайся её перекроить, если она окажется узкой».

Слово сам было почему-то подчёркнуто, и это именно навело его на размышления. Он припомнил, что при свидании с сестрою в последний раз в пересыльной тюрьме, в присутствии тюремного агента, она тоже почему-то говорила об узких плечах шубы и настаивала, чтобы он сам её переделал, — но тогда он не обратил на её слова особенного внимания. И вот теперь он стал невольно думать, почему она так настойчиво напоминает ему об узких плечах шубы, хотя она не только не была узка, но, напротив, широка.

Он высказал свои соображения по этому поводу Назарову.

— Чудак ты! — сказал тот. — Да, очевидно, твою шубу надо распороть и осмотреть, нет ли в ней чего-либо ...

— Ах я дурья голова! Совершенно верно. Вот болван; и как это я до сих пор не мог этого сообразить?! — выругал себя Бельский и, схватив шубу, употреблявшуюся им вместо тюфяка, принялся пороть у неё покрой.

— Ура! — вскричал он через несколько минут, увидя подшитый под подкладкой на плече кожаный лоскуток и нащупав под ним какую-то бумажку.

Дрожащими от волнения руками отпорол он этот лоскут и вытащил из-под него сторублёвый кредитный билет вместе с какой-то запиской.

«Милый Андрюша! — значилось в этой записке, — я зашиваю тебе в оба плеча по сто рублей. Деньги, конечно, тебе будут нужны, а передавать их конвойным или пересылать по почте — неосторожно: они могут тебе в руки и не попасть. На другом плече защиты четыре четвертных. Я положила четвертными потому, что мелкие будет легче разменять. Твоя сестра Катя».

— Славная у меня сестрёнка! Всё предусмотрела, даже то, что трудно будет среди диких инородцев разменять крупные деньги! — с восторгом произнёс Бельский, распарывая второй рукав и вынимая деньги. — Ну, брат Костя, мы с тобой теперь богаты!

— Да, это как раз кстати. Доброе предзнаменование. Это значительно облегчает наш побег. Мы можем закупить теперь и табаку, и кирпичного чаю, а с этими вещами, всё равно что с деньгами — проезд по всей Сибири будет для нас вполне открыт. Да и в Америке деньги на первое время очень пригодятся, — сказал Назаров.

Сборы их в дорогу были непродолжительны. Всем необходимым они должны были запастись в Верхоянске, до которого им оставалось нанять только подводку.

Устье реки Яны находится в пределах Верхоянского округа, и они были уверены, что препятствий со стороны верхоянского заседателя для поездки на промыслы к этому устью не будет, так как заседатель,

как им было известно, не чинил особенных препятствий ссыльным в передвижении их по своему округу, в особенности, когда дело касалось приискания средств к существованию.

VI. На оленях

Был конец марта. Стоял тихий, ясный, но очень морозный день. По снежной, пустынной тундре быстро скользили двое узеньких, низких нарт, запряжённых каждая парю легконогих оленей.

Олени в жизни и хозяйстве большинства северных инородцев играют огромную роль. Трудно найти другое животное, которое приносило бы человеку столь разнообразную пользу, как северный олень. Он даёт своим хозяевам и пищу, и одежду; его шкурами инородцы покрывают свои переносные жилища; на нём ездят и перевозят разные клади. У оленя всё, начиная с мяса, идёт впрок. Из его сухожилий делаются нитки для сшивания одежды; рога идут на выделку колец и вставок для оленьей упряжи, а также на поделку разной грубой утвари; кости же, пропитанные тюленьим жиром, употребляются иногда как топливо; жёсткая щетинистая кожа с ног употребляется на обшивку лыж, и т. д.

Олени были запряжены в нарты с помощью ошейников и постромок, проходивших им под передние ноги.

В каждой нарте, кроме ямщика, сидело по седоку. Ехали без дороги, взбираясь то на окружающие крутизны, то спускаясь вниз. Ямщики по каким-то только им известным приметам узнавали направление. Олени летели иногда так, что дух захватывало и казалось, вот-вот которая-нибудь из нарт опрокинется и седоки вылетят в снег. Но ямщики были опытные в управлении оленями и не позволяли саням опрокидываться. Часто при спусках с горы задние нарты накатывались оленям под ноги, они сбивались в кучу, и около физиономии передового седока вырастали ветвистые рога задних оленей; но после минутного замешательства передние олени вновь подхватывали, — и снова обе пары мчались на просторе.

И ямщики, и их седоки были одеты в одинаковые одежды. На каждом из них была надета кухлянка — рубаха, мехом наружу из

оленьей шкуры, и сверху её парка — двойная кухлянка; на ногах меховые штаны и мягкая меховая обувь — торбаса, незаменимая в этих местах по теплоте и лёгкости. На головах были меховые круглые шапки с наушниками, а поверх них варварки — нечто в роде башлыков из шкур молодых оленей.

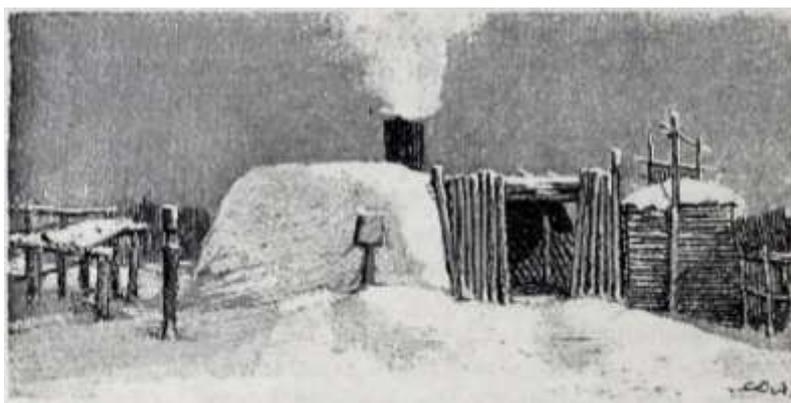
Проезжающие, сидевшие в санях, были наши два знакома Бельский и Назаров. Они ехали в Верхоянск, чтобы в последний раз явиться в местную полицию и затем навсегда расстаться с этими негостеприимными местами. С раннего утра выехали они из своего наслег и не кормя проехали уже около ста вёрст, сделав таким образом почти половину пути от наслег до Верхоянска. Но олени начали уже, видимо, утомляться: понунив головы, они тяжело и нетвёрдо ступали, раскрыв рот и прерывисто дыша.

— Ну что, скоро остановка? — спросил Бельский, ехавший на передних нартах, у своего возницы.

— Вот проедем ещё три горки, а там и остановка.

— Наслег, что ли?

— Нет, просто одна юрта, в которой живёт мой родственник, — у него и переночуем, — оказал ямщик. Действительно скоро впереди показалась одинокая якутская юрта.

Якутская юрта.

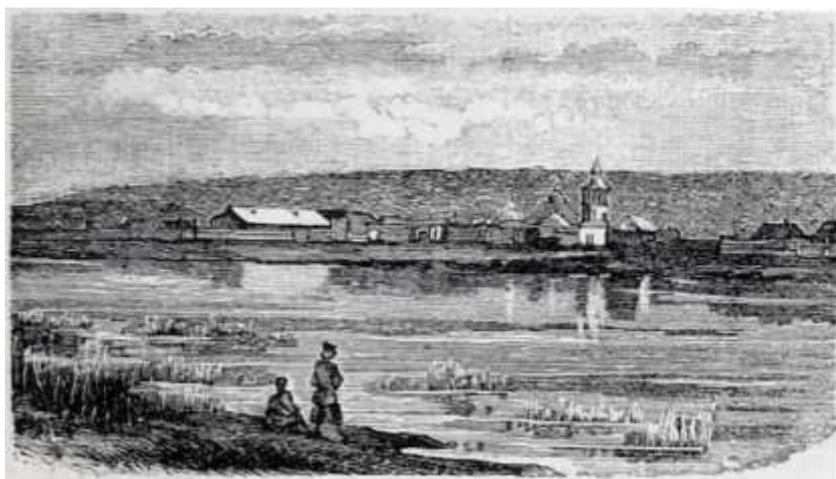
VII. «Лакомое блюдо». Город Верхоянск и Верхоянский округ

Переночевав у гостеприимного якута, путешественники на утро отправились в дальнейший путь, к Верхоянску.

Город Верхоянск, называемый по-якутски Баронук, является административным центром округа, по обширности своей превосходящего многие европейские государства. Но, несмотря на это, он нисколько не похож на город в том смысле, как мы представляем себе города. Это скорее деревня, в которой насчитывается всего около 350 жителей, да и из тех половина якуты. В нём всего одна церковь, окружное полицейское правление, небольшая и довольно грязная больница, две-три лавки, немного частных неуклюжих домиков, да дюжины три-четыре инородческих, преимущественно якутских юрт, разбросанных на протяжении вёрст полутора — вот и весь Верхоянск. На присутственных местах нет даже и вывесок.

Он лежит за полярным кругом, под $67^{\circ}33'$ северной широты, в нездоровой местности и замечателен, как один из самых холодных пунктов на земной поверхности. Холода достигают здесь до -68° .

Округ Верхоянский занимает наиболее обширную северо-восточную часть огромной Якутской области с прилегающими островами Ледовитого океана; площадь его около 1 миллиона кв. вёрст, и лежит он почти весь в области тундр. Это самый обширный из всех округов Якутской области.

Верхоянск с берега реки Яны.

Но жителей в нём приходится всего по одному человеку на 75 кв. вёрст. Его постоянное население, числом всего около 70,000 душ, ведёт по большей части бродячий, кочевой образ жизни. Большинство якуты и отчасти ламуты, главное занятие которых —

скотоводство, разведение оленей, рыболовство, звероловство, а также добыча мамонтовой кости.

Положение, занимаемое этим округом, по большей части гористое, возвышенное. Через него проходит Верхоянский хребет и отроги Станового и Яблоневого хребтов. Реки и озёра изобилуют рыбой, а в лесах и горах в изобилии же водятся лоси, олени, песцы, белка, лисица, горный баран, речные бобры, бурые медведи; в Ледовитом океане моржи, тюлени и проч.

По округу протекает много рек, из которых наибольшее значение имеют Лена, Яна и Индигирка.

В Верхоянске наши приятели встретили знакомых ссыльных и остановились у них на несколько дней. Они передали им свой план бегства, надеясь подыскать ещё кое-кого сочувствующих, но таковых не оказалось. Все считали их затею прямыми безумием и доказывали им, что они идут на верную гибель, если только сами скоро не разочаруются в своём предприятии и не вернутся обратно. Однако наши друзья остались непреклонными.

Разрешение отправиться на промыслы к устью реки Яны они получили без особенных затруднений и, закупив в Верхоянске всяких товаров, преимущественно листового табаку и кирпичного чаю, служащих среди северных инородцев средством обмена, отправились вместе с партией якутов, направлявшихся также на промыслы к Ледовитому океану, в путь.

VIII. Якутский оратор

Партия, к которой присоединялись наши приятели, была довольно большая; в ней насчитывалось десятка полтора рыбопромышленников и зверопромышленников. Дорога шла большею частью по льду реки Яны, и на следующий день к вечеру путники достигли того места, где в эту реку впадает с правой стороны быстротекущая река Адыча. Здесь всё общество расположилось под открытым небом живописным табором и занялось приготовлением обеда, в то время как олени были пущены на подножный корм. Якуты разложили

большой костёр, подвесили над огнём котёл и начали варить саломату.

Возле стоянки, в дикой гористой местности, находилось одинокое дерево, всё увешанное различными лоскуточками, ленточками и клочками конских волос. При своих путешествиях якуты на всех чем-либо выдающихся местах — на перевалах, при слияниях рек, на возвышенных холмах и проч. — обыкновенно всегда приносят в жертву духам места, при произнесении соответствующих речей, какие-либо подарки: чаще всего, если они едут на лошадях, выдёргивают из конских грив несколько щетинок волос. На этот раз подобное жертвоприношение было устроено с особенной торжественностью. Когда саломата уварилась, один из якутов отделил часть её в деревянную чашу и высоко поднял перед собой к небу, а другой, встав перед огнём в позу оратора, обратился к угощаемым духам с торжественною речью:

«Бабушка Адыча, от века древняя, но вечно резвая и необъяснимо быстрая! И ты, дедушка Ян, равный ей годами! — говорил оратор. — Пошлите милость нам, путешествующим по вашим оврагам, защитите, одарите счастьем и благословите нас. Мы идём во имя великого духа!

Вы, стекающие с пением с высоких гор! Во имя ваше мы идём, пусть девять раз будет счастливо наше шествие!

И вы, горные духи, живущие на холмах, будьте милостивы к нам! Я вас всех угощаю зараз. Кушайте! Лакомьтесь! Не пробуйте разборчивым языком! Будьте довольны».

При этих словах оратор почерпнул из высоко поднятой другим якутом чашки масла и саломаты и трижды плеснул на огонь.

«Молясь, взываю к вам, — продолжал оратор, — ведите нас счастливо, чтобы мы шли рядом с лучшими и обогнали посредственных. Доставьте нам ещё в сумраке утренней розопёрстой зари быстробегущих диких оленей и приведите нас к лучшим местам рыбной ловли, наполните наши нарты мясом, шкурами жирных тюленей и салом тучных моржей.

Ты же, древний Чандай Кобольд, не порази хромотой наши члены, не моргай, не смотри сюда своими искромётными очами и не говори

своим злым языком! Счастье и благословение пусть будет нам в путь!»

Окончив эту речь, оратор бросил вверх ложку, которая упала выдолбленную стороною вверх; это считалось хорошим предзнаменованием и было встречено радостным восклицанием оратора и ликующими возгласами окружающих.

После этого тотчас же приступили к еде саломаты, оживлённо беседуя между собою.

— А что, каков оратор! — спросил по-русски Бельский у своего товарища.

— Да впору хоть бы в любое общественное собрание даже среди цивилизованных людей. У нас даже образованные люди не умеют так складно и образно говорить. Ей Богу, он мне положительно нравится!

— Способный народ, что и говорить. Дай бы им немножко образования, они показали бы себя, — проговорил Бельский.

Дорога всё время тянулась вдоль русла пустынной реки Яны. Нигде не встречалось ни одного посёлка, лишь кое-где по берегу попадались необитаемые поварни, устроенные специально для ночлегов проезжающих. Поварня — это квадратный бревенчатый сруб, сколоченный из наносного дерева, с плохо проконопаченными стенами и покрытый плоскою крышей. Свет в них проникает сквозь небольшие оконца, затянутые рыбьими пузырями. Внутри вдоль стен тянутся ороны, или нары; один или два стола, камелёк — вот и вся меблировка подобной поварни. Но они незаменимы в здешних местах, ибо без них путешествие здесь зимой едва ли было бы возможно даже для привычных кочующих инородцев. Эти поварни устроены по инициативе русских купцов и якутских богатых промышленников, отправляющихся вниз по реке или для скупки у инородцев продуктов их лова или для промыслов за морскими зверями.

Через несколько дней караван прибыл в Усть-Янск — крохотный посёлок, находившийся при самом устье реки Яны. Здесь якуты, с которыми ехали беглецы, остановились, чтобы начать свои промыслы, а приятели стали продолжать свой путь далее к северу, по

направлению к мысу Святой Нос, где они надеялись найти береговых тунгусов, иначе называемых ламутами, у которых решили поселиться до тех пор, пока берега океана очистятся от льда, а затем уже на лодке отправиться далее по направлению к устью реки Индигирки.

Поварня.

Из Усть-Янска беглецам привелось ехать далее уже на собаках.

Вследствие суровости здешнего климата и невозможности для оленей добывать себе корм из-под смерзающегося, как камень, глубокого снега, инородцы угоняют свои стада на зиму в местности с более умеренным климатом, а у остающихся на зиму прибрежных оседлых жителей оленей заменяют собаки.

Собака — неизменный друг и помощник северного инородца: она ходит с ним на охоту, выслеживает зверя, помогает охотнику с ним справиться, и на ней же он делает свои передвижения с места на место. Без собаки существование зимою здесь было бы совершенно невозможно.

До Святого Носа, где находились стойбища береговых тунгусов, путешественников вынуждалось везти один из местных якутов, у которого были упряжные собаки. Поезд был составлен из нескольких собачьих нарт, нагруженных провизией для людей, кормом для собак, палаткою и дровами, которых по дороге могло не оказаться.

Ехать приходилось по совершенно необитаемой тундре, и потому всем этим запаслись на целых две недели.

IX. На собаках

Собачьи нарты, длиною до полутора сажень и около аршина шириной, делаются из берёзового дерева. Они представляют из себя деревянную раму, соединённую ремнями из тюленьей шкуры и поставленную на широкие, закруглённые полозья. Они отличаются прочностью и весят не более 20 фунтов. Перед выездом полозья нарты обливаются водой, и нарта держится опрокинутой, пока не обледенеет; тогда сани легко скользят по снегу. Запрягают в такие нарты от 7 до 15 собак. 11 собак обыкновенно делают в день от 40 до 50 вёрст с одним пассажиром и грузом в 10 пудов. Собаки запрягаются в нарты попарно, при чём каждая прицепляется ошейником и короткой постромкой к длинному ремню из тюленьей шкуры. Управляются они голосом возницы и передовой собакой, особо дрессируемой для этой обязанности, слушающейся команды каюра (возницы) и поворачивающей всю свору в ту или другую сторону. Необходимым дополнением при этом служит тормоз — дубинка, снабжённая на конце длинным железным остриём и употребляемая для торможения саней при спуске с гор, а также для того, чтобы остановить собак в случае, если они увлекутся в дороге погоней за каким-либо зверем.

Приятеля ещё в первый раз путешествовали на собаках, и им было жутко и любопытно это новое ощущение. Когда всё было готово, все расселись по местам, передовой каюр гикнул, собаки взвыли, залаяли, рванулись вперёд — и обледенелые полозья нарт легко заскользили по только что, в последнюю ночь, выпавшему снегу, облака которого полетели в стороны от заострённых палок, которыми возницы напрасно старались умерить быстрый бег собак; те неслись с такой головокружительной быстротой, что впору курьерскому поезду. Но это продолжалось недолго; мало-помалу быстрота их стала уменьшаться, и вскоре они пошли более ровным ходом.

Однако с собаками дорогою было не мало хлопот: не проехали путники и нескольких вёрст, как вдруг они с визгом и лаем устремились в сторону, завидев пробегавшую мимо лисицу. Напрасно каюры старались затормозить нарты, собаки рвались вперёд, пока все упряжки не перепутали; только тут они наконец остановились. Пришлось распутывать упряжку и перепрягать непослушных собак. Но пока их перепрягали и водворяли на свои места, одна из собак перегрызла свою сбрую и, отбежав в сторону, начала прыгать, валяться по снегу, а другие, остававшиеся в сбруе, глядя на неё, тоже начали резвиться, выделывать разные курбеты и снова перепутали всю упряжку. Долго привелось ловить вырвавшегося на свободу пса; наконец, прибегли к хитрости и приманили его к остальным собакам, дав каждой из них по рыбе, обычной пище собак в этих местах.

И не один раз потом случались во время пути подобные казусы. В особенности много хлопот доставлял каюрам один передовой пёс, пользовавшийся всяким случаем, чтобы вырваться и удрать из упряжки. Обыкновенно, освободившись, он начинал резвиться, как бы хвастаясь своей удалью, а на него глядя, все другие собаки тоже начинали прыгать, визжать и опрометью кидаться за ним, пока не запутывались в упряжке и не останавливались. И вновь приходилось приводить в порядок упряжку, спутанную резвыми псами.

Но в особенности Назаров с Бельским любили наблюдать во время остановок за кормёжкой собак, которых распрягали и, привязав, давали каждой по положенной порции, состоявшей из 6 — 8 сельдей. Среди собак в это время происходило общее оживление, и каждая из них выказывала свой темперамент. Один пёс ел, например, свою порцию с важностью философа, изредка ворча на своих соседей; другой торопливо уплетал за обе щёки, дробя рыбу крепкими зубами; третий взвизгивал от наслаждения, явно изобличая в себе лакомку; четвёртый с урчанием глодал свой паёк, добросовестно им заработанный, мрачно озираясь по сторонам, чтобы кто не отнял. И действительно, случалось, что один съест свою порцию раньше другого и начинает отбивать у своего соседа, и тут начинается драка.

Летят клочья собачьей шерсти, пока каюр при помощи палки не водворит законности и порядка.

Х. Пурга

Уже пять дней ехали путешественники по необозримой тундре, не встречая никакого жилища. Недалеко уже оставалось и до берегов океана, где было ламутское стойбище. Погода сначала им благоприятствовала: было тихо и сравнительно тепло. Стоял апрель, и чувствовалось, что страшные зимние морозы миновали. Но вот на шестой день в воздухе произошла какая-то перемена. К вечеру на востоке длинною полосой протянулось зарево заката. Безбрежная снежная равнина с одного края до другого подёрнулась багрянцем. Снег казался красным, точно пропитанным кровью. Вверху на небе ходили тени и клубились тёмные зловещие облака. На яркую полосу заката надвигалась лиловая туча, и казалось, что огромные кучи снега тихонько и бесшумно сползали и сыпались с зенита на дальний запад, смутно белея и клубясь в вышине.

— Пурга будет. Неужто мы не успеем во-время добраться до поварни? — сказал один из каюров.

— А далеко ещё до неё? — спросил Бельский.

— Да должны бы сегодня приехать: она на берегу моря.

— Надо поспешить, — отозвался передовой каюр и, крикнув на собак, ткнул палкою ближайшую к нему пару. Та с визгом устремилась вперёд, кусая находившихся перед нею собак; эти в свою очередь стали грызть следующих; передовые надбавили ходу; задние нарты тоже подхватили, чтобы не отставать от передних, и поезд помчался с утроенной быстротой.

Однако буран быстро надвигался всё ближе и ближе. Лёгкие хлопья снега, точно белые мотыльки, стали попархивать в воздухе, а по временам налетать небольшие порывы ветра. Откуда-то со стороны начал доноситься смутный, глухой гул, и чувствовалось, что медленно, но неотразимо надвигается буря.

И вдруг, вздымая и крутя снег, поднялась такая пурга, что зги не стало видно. Вихрь, мгла, снег, — всё перемешалось, и невозможно

было отличить неба от земли. Ветер был встречный. Снег хлестал в лицо и слепил глаза. Собаки с большим трудом бежали вперёд против ветра, пока совсем не остановились.

— Делать нечего, придётся пережить пургу в открытом поле, — сказал передовой каюр, слезая с нарт и распрягая собак.

Буран усиливался всё больше и больше. Каюры попробовали было разбить чум, но скоро должны были отказаться от этого намерения. Порывы ветра рвали из рук меховые полотнища, и все усилия натянуть их на деревянную решётку оказались тщетными. Оставалось одно: составить нарты стеной против ветра и за ними укрыться от метели, что и было сделано. Попробовали было под этим прикрытием развести огонь, но это оказалось невозможным; сыпавшиеся с неба густые хлопья снега тотчас же гасили его.

Назаров с Бельским разложили под прикрытием нарт на снегу свои спальные меховые мешки, залезли в них и, укутав головы в меховые воротники, приготовились к долговременной осаде. Каюры последовали их примеру. Собаки, вырыв ямки в снегу, свернулись в них клубочком, прикрыв свои носы пушистыми хвостами, и тоже успокоились, предоставив вьюге засыпать их сверху снегом.

Нет ничего ужаснее и беспокойнее, как стоять лагерем во время пурги в открытой сибирской тундре. Ветер дует с такою силою, что невозможно стоять на ногах, и остаётся только лечь в снег. От завывания ветра и крупных хлопьев снега, безжалостно хлещущих в лицо, даже разговаривать невозможно. Меховая одежда, подушки, одеяла, — всё это скоро покрывается толстым слоем снега.

Путники смиренно лежали, чувствуя, как над ними нагромождались снежные бугры, заживо их погребавшие. От времени до времени они только старались проделывать небольшие отдушины, чтобы окончательно не задохнуться под снегом. Положение их было тем ужаснее, что бесполезно было даже вылезать из сугроба, чтобы справиться о судьбе других спутников. Пришлось бы каждого по отдельности откапывать, чтобы узнать, жив ли он. К счастью, все были тепло одеты. Бельский с Назаровым лежали рядом и от времени до времени по движениям друг друга узнавали, что они оба

ещё живы, а каюры были привычны к подобным лёжкам — и это значительно успокаивало наших приятелей.

Около двух суток продолжался буран, и всё это время путники принуждены были лежать под снегом, без пищи, голодные. Наконец, на третьи сутки пурга прекратилась. Один по одному стали вылезать из-под сугробов путешественники и занялись откапыванием засыпанных нарт и провизии. Вскоре у них запылал огонь, и проголодавшиеся люди начали варить мясо.

Собаки тоже оказались все в целости: они в этих случаях, зарываясь в снег, легко переносят подобные бураны.

Накормив собак и насытившись сами, путники снова отправились в дальнейший путь, и в тот же день перед ними открылся безграничный простор Ледовитого океана, вдоль берега которого должна была теперь следовать дорога.

XI. На берегу Ледовитого океана

Сделав днёвку во встретившейся поварне, путники отправились далее, вдоль берегов океана на восток — отыскивать жилища ламутов.

Зима была ещё в силе, и океан походил на необозримую, безлесную, снегом покрытую тундру. Как тундра была ограничена высокими горами, так и по замёрзшему морю тянулись высокие ледяные хребты с глубокими долинами, покрытыми волнообразным, твёрдым покровом снега. Эти груды смёрзнувшихся льдин, нагромождённых друг на друга, или торосы, как их здесь называют, достигали в некоторых местах до 15 и более сажен высоты. Полыньи и ледяные трещины между ними заменяли собою потоки и озёра тундры.

Белый, холодный, безмолвный, зиял этот необозримый ледяной океан, уныло освещённый бледным светом луны и голубоватыми прозрачными столбами северного сияния, быстро перебежавшими с места на место на северном горизонте. Даже когда вставало солнце, казавшееся здесь огромным огненным шаром, окружённым ледяною мглою, то лучи его, казалось, не грели и не способны были вдохнуть

жизнь в мрачную, ещё зимнюю природу. Они только окрашивали пурпурным оттенком голубоватые, дрожавшие столбы северного сияния и ослепительную белизну снежной пелены. А в то же самое время испарения воды и льда, вследствие неодинакового в них лучепреломления, обуславливали различные оптические явления. Странные миражи виднелись повсюду. Там, где вода и лёд отражались вместе, ледяные пятна имели такое сходство с сушей, что при всём желании трудно было отличить от действительности.

Отдельные ледяные скалы поднимались на необыкновенную высоту в виде архитектурных фигур, а иногда весь отдалённый, глубоко изрезанный ледяной край принимал вид бесчисленного количества островерхих башен и минаретов или густого леса из обнажённых деревьев. Иногда же он походил на огромный древний город с развалинами, церквями, колоннами. И лишь только глаз успевал рассмотреть один предмет, как он тотчас же изменялся в другой. Попеременно замок превращался в собор или обелиск, или же, растекаясь в ширину, чудной аркой перекидывался через долину. И эти обманчивые миражи образовывались часто вблизи, а не только на большом расстоянии. Стоило отойти на несколько шагов от нарт, как они казались движущимися по воздуху, но только перевёрнутыми полозьями кверху, а собаки бежали вниз головами; однако их очертания были так же ясны, как и действительные нарты, и собаки, двигавшиеся по земле. Каждый обнажённый холм, каждый чернеющий предмет на снегу составляли фокус, вокруг которого сосредоточивались самые странные, обманчивые образы.

А ночью, когда полная, красная огненная луна озаряла багровым блеском снежную равнину, оптические явления делались ещё любопытнее. Сама луна казалась здесь какой-то чудной волшебницей, ежеминутно изменявшей свой фантастический вид. То она принимала вид длинной блестящей палки, то делалась треугольником, то походила на уродливый самовар. Трудно себе представить, какой странный, дикий вид принимала эта чудовищная, фантастическая луна и без того уже на странной дикой картине, расстилавшейся пред нашими путешественниками.

Царство льдов.

Это был какой-то ледяной, заколдованный, всеми покинутый мир, где всякая животная и растительная жизнь прекратила своё существование и где обыкновенные законы природы, казалось, не действовали. Холод, уединение, мрачное безмолвие и багровая, фантастическая луна, походившая на зарево громадного пожара, наполняли душу каким-то страхом, который усиливался сознанием, что никакое человеческое существо, кроме немногих случайных бродячих инородцев, не пыталось проникнуть во владения здешнего ледяного царя. Даже привыкшие к подобным явлениям каюры не пели, не шутили и не разговаривали, как обыкновенно. В окружающей природе было что-то такое, что заставляло всех молчать. И хотя здесь не было ни зелёных дубов, ни лесов, но нашим приятелям невольно вспоминалась фантастическая пушкинская сказка:

У Лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том,
И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...

ХII. Ламуты и оленные тунгусы.

Наконец, однажды путешественники увидели недалеко от берега две ламутския юрты, построенные из наносного дерева и очень похожие на якутские; около них виднелось несколько конусообразных урас. Последние принадлежали только что прибывшим сюда со своими стадами родственникам ламутов, оленным тунгусам.

Каждый год с наступлением весны оленные тунгусы и другие инородцы пригоняют свои стада к берегам океана, где летом не бывает такой массы комаров, как внутри страны, и где можно заниматься охотой на морских зверей. Комары — это бич тундры; они не дают покою ни одному живому существу во время летней жары, и всё бежит от них спасаться или в горы или на берег океана.

Зимняя тунгузская ураса (юрта).

Жилище кочевого тунгуса состоит из конусообразного шалаша, или урасы, составленной из нескольких длинных жердей, воткнутых в землю, а наверху сведённых наподобие шишака и обвязанных моржовыми ремнями. Образованная таким образом деревянная решётка, имеющая внизу в поперечнике до двух с половиною сажень, покрывается наметом из четырёхугольных лоскутков вываренной в кипятке бересты, сшитых между собой оленьими сухожилиями. Эти

намёты в свою очередь покрываются двойными оленьими шкурами. Дверью служит меховой намёт, прикрывающий небольшое входное отверстие. Вдоль внутренних стенок устраиваются настилки, покрываемые шкурами оленей и белых медведей, для спанья. Мебелью служат кожаные, искусно расшитые ящики, в которых хранится одежда тунгусов. Домашняя посуда обыкновенно деревянная и берестяная, тоже украшенная разною резьбой. Посредине урасы находится очаг, над которым вешается котёл для варки пищи, а дым от костра поднимается в верхнее открытое отверстие.

Такая ураса довольно тепла и при частых перекочёвках бродячих тунгусов очень легко разбирается и навьючивается на оленей. Оленные тунгусы обыкновенно не запрягают оленей, а ездят на них верхом и кладь навьючивают им на спину.

Здесь не лишнее сказать несколько слов вообще об этой народности.

Тунгусское племя составляет одну из отраслей монгольской расы. В настоящее время различаются две наиболее крупные ветви этого племени: маньчжурская, значительная часть которой ведёт оседлый, земледельческий образ жизни, и сибирская, разбросанная по всей Восточной Сибири от Енисея до Камчатки.

История этого племени очень любопытна. Около 1644 года южная ветвь этого племени — маньчжуры — завоевала огромный Китай; почти одновременно с этим, другая часть, сибирские тунгусы, оттеснив из Восточной Сибири якутов, юкагиров и чукчей, сама подпала под владычество русских. До завоевания Китая маньчжуры были такими же дикими кочевниками, как теперешние их сородичи, сибирские тунгусы, а теперь они обладают богатой литературой, и язык их сделался господствующим в Пекине. Между тем сибирские тунгусы и до сих пор остались такими же дикарями, какими были и 260 лет тому назад.

Главным центром распространения сибирских тунгусов является область правых притоков реки Енисея, причём енисейские тунгусы называют сами себя «донки», то-есть люди; тунгусы Якутской

области зовут себя «овен», а живущие по берегам Ледовитого океана — «ламутами», то-есть поморами.

Число всех сибирских тунгусов определяется по приблизительным подсчётам до 70,000 душ. Большинство их сохраняет первобытный, бродячий образ жизни, но некоторые, под давлением разных обстоятельств и под влиянием русских, переходить на скотоводство; другие же делаются земледельцами.

Вообще же, по занятиям и образу жизни, сибирские тунгусы разделяются на оленных, собачьих, скотоводных, лесных и береговых.

По природе своей тунгус-кочевник любит переселяться с места на место; он утверждает, что не существует худшей доли, как жить постоянно на одном и том же месте, подобно русскому или якуту. И только одна крайность может заставить его бросить свою свободную кочевую жизнь.

По своему характеру тунгусы беззаботны, веселы, остроумны, подвижны, ловки и отличаются от других сибирских инородцев приятным обхождением и вежливостью. Они любят франтить, и одежда их, сшитая преимущественно из звериных шкур, отличается своим щегольским покроем и различными вышивками и украшениями. Недаром их называют «французами сибирской тайги и тундры».

Когда беглецы прибыли к стоянке тунгусов, последние уже приготавливались к началу охоты на морских зверей.

Долгая полярная ночь кончалась, и скоро должен был начаться такой же долгий, сплошной день с незаходящим в течение нескольких месяцев солнцем.

Назаров с Бельским в ожидании, когда море очистится от льда и можно будет двинуться в дальнейший путь на лодках, поселились в одной из юрт, любезно предоставленных за несколько папушек табаку в их распоряжение гостеприимными хозяевами, переселившимися в одну из свободных урас.

Прибывших путешественников тунгусы приняли с распростёртыми объятиями, не зная, чем их и угостить. Они натащили им для обеда всего, что только было у них лучшего в

хозяйстве, а в заключение устроили даже в честь их приезда нечто в роде бала с танцами. Перед юртой сначала образовался маленький кружок из мужчин и женщин, которые, схватившись руками, начали довольно нехитрую пляску, состоявшую в передвижении ног в стороны, под аккомпанемент несложной песни, или, вернее, нескольких однообразных восклицаний... К этому импровизированному хороводу стали присоединяться другие, и пляска стала оживляться всё более и более, а восклицания тунгусов становиться всё громче и громче.

Тунгус и тунгуска.

Пляшущие стали сбрасывать с себя верхние одежды, так как пот катил с них градом. Не принимавшие сначала участия зрители то и дело срывались со своих мест и исчезали в вихре пляшущих.

Скоро не осталось ни одной старухи, которая не приняла бы деятельного участия в пляске; а когда Бельский с Назаровым, заражённые этим общим весельем, тоже присоединились к пляшущим, ликованию тунгусов не было конца. Всеми обуяло точно какое-то бешенство. и пляска окончилась только тогда, когда у всех осипли голоса.

После этого подали чай, приготовленный в виде жидкой кашицы, с примесью ягод и жиру. К чаю тунгуски принесли лепёшек, состряпанных из высушенной брусники пополам с рыбьей икрой, сдобренных салом. Все уселись чинно в кружок, соблюдая самое сдержанное приличие. Никто не хватал раньше другого, все пили и ели умеренно, сообразуясь с тем, чтобы никто не остался в накладе.

Начались скромные, степенные разговоры, точно в приличном цивилизованном обществе.

Так как тунгусы не говорили по-русски, а путешественники не знали тунгусского языка, то разговор происходил на якутском языке, которым обыкновенно свободно владеют почти все тунгусы.

— Куда же вы сбываете то, что напромышляете? — спросил, между прочим, Назаров хозяина юрты.

— Продаём якутским купцам, которые приезжают сюда.

— И помногу выручаете?

— Жаловаться нельзя. Живём справно. У меня одного долгу больше тысячи рублей! — с гордостью произнёс ламут.

Приятели подумали, что он подшучивает над собой, но оказалось, что у них и на самом деле считается более зажиточным тот, кто имеет больше долгов; значит, кредит у такого человека шире.

Тунгусы считаются самым честным народом в отношении платежа своих долгов и добровольно платят не только свои собственные, но и долги своих покойных отцов и даже дедов и таким образом никогда не выходят из кабалы у якутских купцов. А так как здесь существует обыкновение ничего не покупать и не продавать другому купцу, пока сполна не выплачен весь долг первому кредитору, то эта кабала продолжается обыкновенно всю жизнь. Всё, что бы тунгус ни напромышлял, идёт к плутоватому, оборотистому якутскому купцу в уплату долга и, конечно, за бесценок.

Тунгусы.

Таким образом, на честности сибирских дикарей якуты создают своё благосостояние. Вероятно, с течением времени, по мере близкого знакомства с приёмами торговцев, этот порядок изменится...

ХIII. Шаман

Весна делала своё дело. Полыньи и трещины на океане становились всё шире и многочисленнее, и возле них начали показываться стада тюленей, выходявших из-под льда, чтобы погреться на солнце.

Приближалось время весенней охоты за морским зверем.

Однажды хозяева юрты пришли к своим постояльцам с просьбой уступить им на ночь юрту, так как должен был прибыть шаман или по-тунгусски — тадибей, чтобы сделать камлание и узнать у духов, какую им нужно в этом году принести жертву перед началом весенней охоты. Приятели, разумеется, с удовольствием согласились предоставить для такой благой цели свою юрту в распоряжение шамана: им тоже было очень интересно посмотреть на шаманское камлание.

Большинство тунгусов, как и вообще большинство северных сибирских инородцев, исповедуют шаманскую религию, хотя многие из них и считаются официально на бумаге христианами.

Хозяева прибрали и чистенько вымели юрту. Вечером приехал верхом на олене из соседнего стойбища шаман с меховым мешком, в котором заключалось его шаманское одеяние, и большим бубном в руках. По его приезде юрта мало-помалу начала наполняться народом. Был подан заранее приготовленный обильный ужин, к которому, кроме шамана, были приглашены и все присутствующие в юрте. Шаман оказался человек очень общительный. Это был ещё не старый человек с нервным, измученным лицом и болезненно блестящими чёрными глазами. Реденькая тёмная бородка обрамляла его бледное лицо, а длинные волосы на голове были заплетены в мелкие косички.

На расспросы наших приятелей шаман рассказал им, как и почему он сделался шаманом. По его словам, ещё с малых лет он начал чувствовать в себе призвание к шаманству. Даже отдалённые звуки шаманского барабана приводили его в состояние экзальтации. Ему чудились какие-то тайные голоса, звавшие его куда-то и не дававшие ему покоя. Сначала он долго противился этому таинственному призыванию, так как знал, что участь шамана не завидна, но потом голоса стали делаться всё настойчивее, и он не мог уже им противиться — и отправился к одному старому шаману, прося его научить всем тайнам шаманства. Тот прежде всего заставил его отречься от всего ему дорогого и поклясться, что он будет служить только тому духу, который будет приходить на его зов и исполнять его просьбы. И только после этого старый шаман раскрыл перед ним и посвятил его в тайны шаманства. С тех пор он и начал шаманить, ходя из одного места в другое по своим единоверцам, гадая, предсказывая будущее, леча больных и указывая, какому духу, когда и какую жертву нужно принести.

После ужина, уже глубокой ночью, перед самым утром, шаман сел на нары и медленно начал расплетать косички своих волос, неподвижно устремив глаза в одну точку и что-то бормоча себе под нос.

По мере того, как огонь, разведённый на полу среди юрты, угасал и наступал мрак, громкие разговоры присутствовавших замолкали; а когда огонь почти совсем потух и воцарился таинственный полумрак, в юрте наступило гробовое молчание. Перед чуть-чуть мерцавшими ещё угольями разостлали кобылью шкуру, привезённую шаманом. Шаман медленно снял с себя малицу, вынул из мешка своё волшебное одеяние и начал в него облекаться. Это одеяние состояло из плаща из шкуры дикого козла шерстью наружу, сплошь обшитого множеством жгутов разной величины, изображавших змей, разноцветных лоскуточков и узких ремешков из оленьей кожи, и было увешано разными металлическими колокольчиками, бубенчиками, погремушками и треугольничками в виде маленьких луков с наложенными стрелами для отпугивания злых духов. Все эти предметы и нашивки имели своё собственное

символическое значение. На голову шаман надел шапку из чучела филина. Затем он взял в руки огромный, тоже увенчанный бубенчиками и погремушками бубен, вышел на середину юрты, поклонился на все четыре стороны, обрызнул изо рта вокруг себя водой и сел на кобыльей шкуре. Ему подали раскуренную трубку, и он начал курить, глотая дым и запивая из ковша водой. Курил он долго, пока не началась икота, становившаяся всё громче. Лицо его сделалось бледным, голова низко опустилась и глаза полузакрылись. Еле тлевшие уголья стали совсем потухать, и при их слабом мерцании ещё некоторое время в наступившей темноте виднелась с бубном в руках неподвижная фигура шамана с лицом, завешанным платком, чтобы легче было проникать внутренним взором в невидимый мир духов. В наступившей мёртвой тишине слышно было только невнятное бормотание и икота шамана. Наконец, и эти звуки замолкли; всё погрузилось в мрак и безмолвие.

Но вот среди жуткой тишины явственно послышался сдержанный зевок шамана, и тотчас же, следом за ним, в покрытой непроницаемой тьмою юрте пронзительно и жалобно раздался плачущий крик чайки, а затем опять всё погрузилось в безмолвие.

Назаров с Бельским вздрогнули от этого неожиданного резкого птичьего крика.

Прошло ещё несколько минут, напряжённого ожидания. Вдруг послышалась лёгкая, сначала еле уловимая дробь бубна, но она постепенно всё усиливалась, крепла и росла, пока не загудела, как шум приближающейся бури. И в то же время в этом шуме поминутно стали выделяться дикие крики разных птиц: то каркали вороны, то смеялись гагары, то жаловались чайки, посвистывали кулики, клекотали соколы и орлы. Музыка росла, удары по бубну сливались в один непрерывный гул и вместе с неустанным звоном колокольчиков, погремушек и громом бубенчиков образовали какой-то сплошной хаос звуков.

Но вот всё разом оборвалось. Последовало один за другим ещё два мощных удара по бубну, и волшебный инструмент выпал из рук шамана. Настала мёртвая тишина.

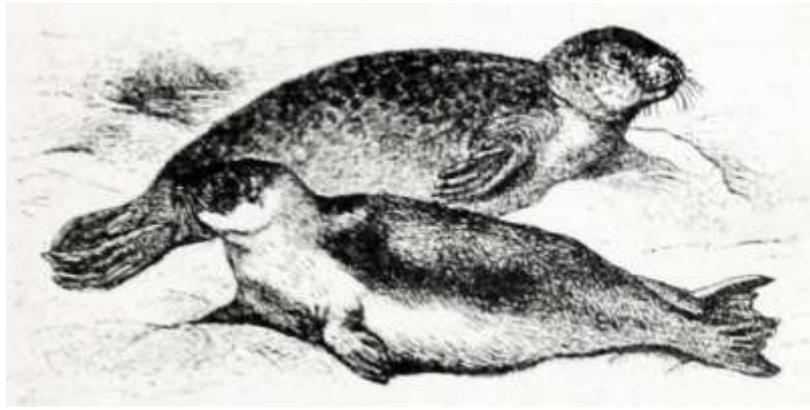
Через несколько минут шаман слабым голосом попросил хозяев возобновить огонь, и когда яркий свет озарил внутренность юрты, он вскочил на ноги и, ударяя в барабан, принялся бешено плясать, прыгая через огонь. Движения его становились всё быстрее, всё диче. Он кривил рот, размахивал руками и ревел диким голосом, вызывая поимённо злых духов, которые ему были нужны. От времени до времени он как будто с кем-то разговаривал, кого-то о чем-то спрашивал, кому-то грозил, с кем-то дрался, кого-то отгонял от себя плетью, кого-то умолял и заклинал. Точно в самом деле над его головой кружил целый сонм каких-то невидимых существ. Наконец, он бросил вверх барабанную колотушку, всунул голову в бубен и, держа его над головой, начал внимательно и как бы с ужасом к чему-то прислушиваться, по временам вздрагивая всем телом. Но вот голова его затряслась, он покачнулся и упал на пол. Несколько времени лежал он неподвижно; затем пошевелинулся, открыл блуждающие глаза и обвёл ими вокруг себя, как бы недоумевая, где он и что с ним. Наконец, сознание вернулось к нему, он медленно приподнялся, сел на кобыльей шкуре и слабым голосом сказал:

— Надо принести в жертву собаку и белого оленя...

XIV. Охота на моржей

На следующее утро возле юрты был разложен большой костёр, и перед ним, при пении и игре шамана на бубне, были зарезаны назначенные в жертву духам собака и белый олень. У обоих жертвенных животных шаман прорезал в груди отверстие, запустил в него руку и, оторвав от мускулов сердце, бросил его в огонь. Затем он побрызгал над огнём во все стороны кровью жертвенных животных и оленьим молоком, и жертвоприношение было окончено. Труп собаки подвесили на длинном колу вниз головой на берегу моря, а рядом с ним кости и шкуру оленя. Мясо же оленя сварили и съели.

С этого дня ламуты и тунгусы приступили к охоте за морскими зверями, преимущественно за тюленями и моржами.

Тюлени

Наши два приятеля тоже приняли участие в этих охотах. Почти ежедневно отправлялись они по ледяным полянам разыскивать тюленей и скоро так пристрастились к этой охоте, что время для них летело быстро и незаметно. Тюлени водились здесь в изобилии, и они скоро изучили все их привычки и повадки, так что охота на них уже перестала их завлекать. Но им ни разу ещё не приходилось охотиться на моржей, которые встречаются не так часто. К тому же они знали, что охота на этих животных сопряжена с большими опасностями, и прежде чем отважиться на неё самим, хотели посмотреть, как она производится опытными в этом деле туземцами.

Морж — это громадный морской зверь. Он имеет около трёх сажень в длину и почти две сажени в окружности среди тела. Вес его нередко достигает более 100 пудов. У него маленькая неуклюжая голова; короткая, толстая шея; мешковатое тело и ноги, оканчивающиеся лапами. Верхняя губа обсажена почти вершковыми, толщиною в воронье перо, желтоватыми щетинками, а из-под губы выходят наружу два огромных бивня, длиною до аршина, в роде слоновых, но только концы их загибаются вниз. Эти бивни служат моржу для срывания водорослей на дне моря и для откапывания в земле ежевиков и раков, которыми он, между прочим, питается. Кроме того, они служат ему превосходным орудием против врагов и помогают подниматься на горы и на ледяные скалы; цепляясь ими за выступы, он подтаскивает затем своё неуклюжее тело и таким образом медленно поднимается кверху. Эти бивни плотнее и белее слоновой кости и всего чаще употребляются для выделки искусственных зубов, а потому ценятся довольно дорого. Морж даёт жир, а из

толстой шкуры его выделяется крепкая эластичная кожа; мясом моржа, чёрным на вид, питаются многие северные инородцы. Вообще этот зверь приносит многообразную пользу.

Моржи живут обществами, иногда по несколько сот штук; они играют на окраинах плавучих льдин, и голоса их далеко слышны. Эти голоса похожи или на мычание коровы, или на лай собаки, или, иногда, в раздражённом состоянии моржи издают звуки, напоминающие лошадиное ржание. Когда они спят на льдинах, - а спят они часто и подолгу — один из них сторожить и при опасности бросается в воду, а так как моржи обыкновенно лежат друг на друге, как свиньи, то все остальные тоже тотчас же пробуждаются и, толкая друг друга, бросаются через голову в воду. Бег их смешной и неловкий. Они ползут на брюхе, при чём головы то поднимаются, то опускаются. Но плавают превосходно и в опасности защищают друг друга. В случае внезапного нападения на них охотников, оправившись от первого испуга, они возвращаются к своим раненым или находящимся в опасности товарищам на лёд и стараются стащить их в воду, а потом, из мщения, часто хватаются за лодки охотников и нередко или опрокидывают их или пробивают своими бивнями. Ни один полярный зверь не требует при охоте за ним такой большой осторожности и осмотрительности, как морж.

Время шло. Лёд на океане во многих местах был уже рыхл и ненадёжен. Однажды рано поутру, когда приятели ещё спали, к ним вбежал маленький сынишка хозяина юрты с криком:

— Вставайте! Моржи показались!

Бельский с Назаровым не заставили себя ждать. Они живо вскочили с постелей и, захватив свои винтовки, побежали по ледяному морю по направлению к большой полынье, видневшейся в отдалении, откуда слышался рёв моржей.

Все охотники-тунгусы были в это время в отсутствии, и только один хозяин юрты, ламут, следовал за приятелями с гарпуном в руках. Скрываясь за глыбами льдин, они подошли на довольно близкое расстояние к стаду, состоявшему из нескольких десятков морских зверей, которые то ныряли, то разом выскакивали на тонкий лёд, с треском, далеко раздававшимся по окрестностям,

проламывавшийся под ними. Один большой, страшного вида самец казался предводителем всего остального стада; он больше других старался взгромоздиться на поверхность льда, выпрыгивая из воды и тяжестью своего тела, словно тараном, проламывая лёд, чтобы сделать нечто в роде канала, по которому могло бы остальное стадо добраться до более прочной ледяной коры... Этот морж находился от охотников всего на расстоянии ружейного выстрела, и Бельский с Назаровым приготовились было стрелять, но ламут остановил их. Он шепнул им, что делать этого не следует, так как убитый или раненый морж, раз он в воде, будет для них пропащим. Надо было действовать не ружьём, а гарпуном... Но подойти открыто на такое расстояние, чтобы можно было кинуть в моржа гарпун, было невозможно: увидав охотника, все моржи могли уйти и скрыться.

Прятели предоставили действовать ламуту, который вызвался подкрасться к передовому моржу и всадить в него гарпун.

Моржи.

Крепко привязав к выступу ледяной скалы один конец длинной бечевы из моржовой кожи, к другому концу которой был прикреплен гарпун, ламут, постепенно разматывая бечеву, начал подползать к полынье. Лишь только морж, ударившись о край ломающегося под

ним льда, погружался в воду, ламут живо вскакивал на ноги и делал несколько прыжков по направлению к зверю; а как только голова последнего снова показывалась на поверхности, он тотчас же распластывался на земле и лежал неподвижно. Вот он уже подобрался таким образом к не замечавшему его моржу на такое расстояние, что можно было метнуть гарпун. Снова морж показался на поверхности моря и, встряхивая с головы воду, раскрыл глаза, но не успел ещё рассмотреть хорошо стоявшего перед ним охотника, как гарпун последнего глубоко вонзился ему под передний ласт. Раненый зверь высоко выпрыгнул из воды, стараясь со свирепым и мстительным видом подняться на ломающийся под ним лёд. Кровавая пена текла из его раскрытой пасти, и его рёв перешёл в ужасающий вой. Но охотник тотчас же отбежал в сторону.

В это время остальные моржи, заметив своего раненого товарища в опасности, поспешили к нему на выручку, но и охотники, скрывшиеся за выступами ледяных глыб, тоже выскочили из своих засад и начали стрелять в наступавших зверей. Тогда последние, видя, что им не спасти своего предводителя, отступили, унося раненых пулями моржей и придерживая их своими клыками над водою.

Раненый гарпуном морж скоро издох и был вытасчен за верёвку на прочный лёд. У него отрезали голову с клыками, содрали шкуру, а мясо и жир изрезали на куски и всё это перетаскали в юрту. В тот день наши приятели полакомились сердцем и печенью моржа.

XV. Океан освобождается от льда

К концу мая зима в большей части северо-восточной Сибири кончается, и лето быстрыми шагами следует за ней. Не успеет стаять снег, как уже появляются нежные цветы черники, голубицы, морошки и других ягод, растущих здесь в изобилии; берега рек устилаются мягкой, нежной муравой, а в воздухе целый день слышатся крики диких гусей, лебедей, уток, чаек и других птиц, целыми тучами носящихся над тундрой. Тут не бывает долгой, мокрой, переменчивой весны. Скучная растительность,

сдерживаемая ледяными оковами в продолжение восьми-девяти месяцев, почти мгновенно расторгает свои узы и в течение каких-нибудь двух-трёх недель, с исчезновением последнего снега, вся природа облачается в свой летний наряд, на что в других странах потребовались бы месяцы. Ночей в это время уже совсем нет: один день незаметно переходит в другой. Но, несмотря на все это, тундра производит своим однообразием удручающее впечатление. Она кажется бесконечной, и горизонт её теряется в беспредельной дали. Нет разнообразия, нет тени, нет ночи. В течение всего лета в арктической тундре солнце светить без заката как бы сквозь туманную завесу, но блеск его похож на лунный, и человек безнаказанно может смотреть прямо на солнце невооружённым глазом. Зрелище этой бесконечной, однообразной пустыни утомительно, оно угнетающе и расслабляюще действует на человека. Всюду глыбы земли, покрытые мхом, и бесконечные ряды кочек и болот.

Лёд на океане в этом году что-то долго застоялся. Обыкновенно движение его происходит несколько ранее. Впрочем, по неизвестным причинам оно происходит иногда даже среди зимы.

Но вот однажды, во время сильного ветра, со стороны моря послышался страшный грохот и пальба, точно гам происходила пушечная канонада. Бельский с Назаровым бросились к берегу, — и здесь им представилось дивное и величественное зрелище.

Неровная, словно взрытая поверхность покрытого льдом океана пришла в движение. Громадные льдины ползли и карабкались друг на друга, поднимаясь и опускаясь и производя оглушительный шум и грохот.

Страшно было даже издали смотреть на это внезапное оживление льдов, которые двигались точно под влиянием какой-то таинственной силы, толкавшей их в разные стороны. Нет слов, которыми можно было бы описать эту титаническую борьбу льда с расходившимся океаном, старавшимся сбросить с себя ледяные оковы. Повсюду безбрежный океан имел величественно-грозный вид, но впечатление усиливалось ещё от того, что бурное море боролось с громадными ледяными массами, в свою очередь

находившимися в мощном движении. Волна ударяла через ледяную скалу и скрывала её под водой; но вскоре эта скала снова показывалась на поверхности, с её главы шумящими водопадами стекали волны, и она, покачиваясь на своём лоне, тёрлась, билась и боролась со своими соседками, пока не разбивалась на тысячи кусков, которые с шумом выбрасывались потом волнами на хребет ближайшей ледяной скалы. И эта гигантская борьба не ограничивалась каким либо отдельным пунктом, а повторялась всюду, на всём видимом горизонте в бесконечном разнообразии. И в то же время блеск льда отражался на тёмных, нависших тучах каким-то неестественным серебряным блеском.

Это зрелище навсегда осталось в памяти наших двух приятелей

Через несколько дней после этого подувший с материка ветерок отогнал разбитый в куски лёд от берега, и море очистилось. Приятели стали торопить уже заранее подговорённых ими ламутов везти их на лодке вдоль берега океана к устью реки Индигирки, где они надеялись найти новых лодочников, чтобы продолжать своё путешествие далее на восток.

XVI. По Ледовитому океану на лодке

Это путешествие на утлой лодке по бурному океану, с плавающими в нём льдами, было полно опасностей и приключений.

Лодка была небольшая и едва могла вмещать шесть человек с необходимым багажом, разобранной урасой, провизией и дровами — на случай пристанища в лишённой топлива местности.

Мореплаватели старались не удаляться на большое расстояние от пустынных берегов, чтобы не быть унесёнными ветром в море и не затеряться среди плавающих льдин, но и близко плыть около берега не всегда было безопасно: он часто был скалистым — и лодку, в случае ветра со стороны моря, легко могло разбить о береговые утёсы. Плавание это было, кроме того, сопряжено с опасными встречами с плававшими в океане ледяными горами.

Ледяные плавающие горы — это оторвавшиеся льдины от полярных глетчеров, спускающихся с прибрежных гор в море. Высота

их часто достигает до 30, а длина до 60 и более сажен. Они глубоко сидят в воде и высовываются из неё часто всего лишь на одну восьмую долю своей величины. Ледяные горы бывают самого разнообразного вида и формы. Иногда это громадные, бесформенные глыбы, сверху закруглённые, а с боков отвесно усечённые; нередко внутри их образуются ходы, ведущие в ледяные пещеры, и целые галереи арок и сводов. Наиболее старые из них, уже долго носящиеся по океану, увлекаемые полярным морским течением, причудливо зазубрены и имеют множество расщелин. Цвет их бывает необыкновенно красив — от нежно-голубого, переходящего в прелестный зелёный, до темно-синего, совершенно прозрачного. Но самые красивые из них — самые опасные.

Однажды лодка проплывала неподалёку от берега по узенькому, версты в три шириною, проливу, отделявшему от материка высокий, скалистый остров, с вершин которого круто спускались в море ледники. Плывя возле берега, мореплаватели заметили расположившееся на нём стадо тюленей, беспечно спавших. Лодка поплыла к ним на расстояние выстрела; Бельский с Назаровым схватили ружья и, прицелившись, почти одновременно выстрелили. Вдруг в горах на острове послышался ужасный грохот, громадные глыбы оторвались от ледника и начали опускаться в море. Мореплаватели спокойно, не подозревая об опасности, смотрели с лодки на это величественное зрелище, происходившее от них на расстоянии более двух вёрст, как вдруг поднялась огромная волна, налетевшая на них с такою быстротою, что гребцы не могли ничего против неё предпринять, и выбросила, как скорлупку, их крохотную лодочку на берег далеко от воды. По счастью, берег в этом месте был пологий, и путешественники отделались одним только испугом да холодной ванной. Пришлось сделать стоянку и развести огонь, чтобы обсушиться, прежде чем отправиться дальше.

В другой раз при совершенно спокойной, ясной погоде они были окружены плавающими льдами, среди которых долго блуждали, не имея возможности выбраться через узкие проходы в открытое море. Чтобы не быть окончательно затёртыми и раздавленными, они не один раз принуждены были высаживаться на льдины и

перетаскивать через них свою лодку в места, свободные от льда. Кругом было тихо и безмолвно, как в заколдованном царстве, и лишь время от времени эта тишина прерывалась шумом и треском сталкивающихся друг с другом льдин. Вдруг в нескольких саженях от лодки вода, как бы ни с того, ни с сего, начала клубиться, и море принялось в этом месте бушевать. Среди плавающих льдин послышался гул, постепенно превращавшийся в страшные громовые раскаты. Ближайшая к лодке огромная льдина с шумом начала приподниматься из воды и с грохотом рассыпаться в мелкие кусочки. Казалось, будто какое-то огромное морское чудовище, расправляя свою могучую спину, старалось выйти из глубины моря на поверхность, чтобы взглянуть, что за дерзкие смельчаки осмелились плыть по запретным водам. И действительно, скоро из недр моря что-то начало выпирать, расти, подниматься кверху — и наконец, словно гигантский призрак, перед глазами изумлённых и перепуганных путешественников из воды показалась громадная ледяная гора, которая тихо и величаво, словно побуждаемая какой-то таинственной силой, пошла в сторону, прочь от лодки, как живое движущееся существо. На море в это время развилось страшное волнение, и будь лодка немного ближе к этому великану, она наверное перевернулась бы.

XVII. Морж и белый медведь

Обыкновенно во время остановок на берегу путешественники старались, где это было возможно, пополнять запасы свежей провизии и дров, что достигалось ими без особенных затруднений. Море кишело тюленями, моржами и другими зверями, а на берегу всегда можно было настрелять уток, гусей и другой пернатой дичи, сколько угодно, а также набрать дров из наносных деревьев. Эти запасы оказывались необходимыми, когда, в виду неприступности берегов, долго не было возможности пристать к твёрдой земле, а между тем усталые гребцы требовали отдыха. В таких случаях мореплаватели высаживались на первой попавшейся большой льдине, где и разводили огонь, чтобы приготовить пищу. Правда,

гребцы ламуты вполне свободно могли обходиться и сырым мясом, — они и в обыкновенное-то время редко употребляли его варёным или жареным, — но Назаров с Бельским никак не могли к этому привыкнуть.

Однажды они разбили таким образом свой бивак на подобной льдине, имевшей около целой версты в окружности. В ожидании, пока раскладывали огонь и варили мясо, Бельский с Назаровым, захватив ружья, отправились осматривать свой плавучий остров, другая сторона которого была скрыта от их глаз высокими торосами.

Вдруг Бельский, шедший впереди, присел за ледяным выступом и начал делать следовавшему за ним приятелю какие-то знаки. Назаров пригнулся к земле и, подойдя к нему, увидел, как из воды на край льдины взбирался огромный, полуторасаженный морж. Втащив своё жирное тело на льдину, он осторожно осмотрелся, повалялся несколько минут по гладкой поверхности и залёг спать. Наши друзья стали было уже нацеливаться в него из своих ружей, но вдруг заметили недалеко от того места, где лежал морж, высунувшуюся из-за края льдины голову белого медведя, который, вероятно, уже давно следил за моржом.

— Погоди, посмотрим, что он будет делать, — шепнул Назаров Бельскому, опуская ружьё.

Медведь, в свою очередь, осторожно взобрался на льдину и, как будто стараясь не обращать ни малейшего внимания на моржа, тоже стал валяться по ней, постепенно всё приближаясь к дремавшему ластоногому. Последнее, очевидно, заподозрив злой умысел со стороны коварного мишки, привстало, желая обратиться в бегство, но хитрый медведь тотчас же неподвижно распростёрся на льдине и прикинулся спящим. Однако едва только морж успокоился и снова прилёг, как медведь опять начал придвигаться к нему. Но все эти хитрости оказались напрасными, потому что морж вдруг вскочил с места и нырнул в воду. Тогда медведь, отбросив в сторону притворство, как стрела, кинулся следом за ним; но в это время разом раздались два выстрела — и, поражённый двумя пулями, он упал подле самого края льдины бездыханный.

На выстрелы прибежали гребцы, и скоро шкура с медведя была снята, а свежее мясо пошло на приготовление бифштексов и в запас.

Было бы слишком долго перечислять все приключения и опасности, которым подвергались наши путешественники, прежде чем достичь устья реки Индигирки, куда они прибыли лишь в конце июня.

Эта река берёт своё начало на северных склонах Станового хребта и течёт с юга на север, орошая на протяжении целой тысячи вёрст огромную площадь пустынных, преимущественно тундровых земель. В верховьях её растут корявые хвойные леса, которые тянутся, всё более и более мельчая, вдоль по долине реки на север далеко за полярный круг и, постепенно превращаясь в карликовые, наконец, исчезают за 70° северной широты. На всём протяжении этой реки насчитывается всего лишь до десятка крохотных посёлков, из которых самый значительный — заштатный городишко Зашиверск, имеющий не более дюжины домишек.

XVIII. На плавающей льдине

Река Индигирка при устье образует обширную, около 75 вёрст ширины, дельту, в которой летом прекрасные рыбные ловли, и сюда в это время приходят многие окрестные инородцы. Таким образом, нашим приятелям не стоило большого труда найти среди них охотников, вызвавшихся везти их далее на восток до устья реки Алазеи, где занимались тоже рыбными промыслами бродячие юкагиры, которых можно было подрядить переправить их далее.

Однако на этот раз мореплавателей скоро постигло большое несчастье. На другой же день после того, как они оставили устье реки Индигирки, им встретилась масса плавающих льдов, которые и летом здесь нередко загораживают берега, и пробираться сквозь которые оказалось не так-то легко. Едва они огибали одну льдину, как тотчас же встречали другую. Чем дальше, тем лёд становился всё гуще. Не один уже раз они принуждены были перетаскивать свою лодку волоком через встречный сплошной лёд, чтобы попасть на чистое место. Целые сутки блуждали они таким образом среди этих

неожиданных препятствий, не имея возможности пристать даже к берегу, как вдруг поднялся ветер и началось опасное волнение. В одном месте их лодку зажало среди двух льдин, и едва они успели из неё выскочить и захватить с собой кое-какие вещи, как её раздавило в щепы.

Положение мореплавателей оказалось отчаянным. Льдину, на которой они спаслись, гнало в океан, прочь от берегов, и шторм усиливался всё более и более. Несмотря на то, что льдина была довольно большая, волны прокатывались по ней и готовы были смыть, как букашек, спасшихся на ней людей. Им приходилось крепко держаться за торосы и делать невероятные усилия, чтобы не дать волнам унести себя в море.

Более трёх суток бушевал шторм, и всё это время, промокшие с головы до ног, измученные голодом и усталостью, путешественники находились в постоянной опасности окончательно погибнуть: льдина легко могла встретиться с другими, расколоться на куски, — и тогда ничто не спасло бы их от гибели. Однако на четвёртые сутки буря начала утихать, и все приободрились; тем не менее положение их было почти безнадежным. Они не знали, как далеко за время шторма отнесло их от берега и на что им рассчитывать и надеяться впереди. По счастью, они успели спасти из лодки ружья и порох, и вскоре по окончании шторма им удалось убить тюленя, случайно забравшегося на их льдину. Они поделили его мясо между собой и ели его сырым, так как горючего материала на льдине не было. Но скоро и этой пищи не стало.

Наступил голод.

— А ведь твоё пророчество сбылось; помнишь, ты говорил, что не на льдине ли мы поедем по Ледовитому океану к Берингову проливу? — напомнил однажды Назаров своему товарищу их разговор, перед тем как они задумали бежать из ссылки.

— Не совсем, — возразил тот, — потому что мы плывём, теперь, кажется, не к Берингову проливу, а открываем северный полюс...

Что же, это будет недурно, если мы сделаем это открытие!

— Да, но только, к сожалению, пожалуй, никто никогда не узнает об этом нашем великом открытии.

— Судьба, значит, такая. Ничего не поделаешь. Я теперь готов примириться с твоею тогдашней философией, сказал Назаров.

— Конечно, более ничего не остаётся,

Около двух недель носило по морю наших путешественников на льдине, как вдруг однажды они завидели вдали берег, и у всех отчаяние поминутно стало сменяться надеждой. Льдина, по-видимому, приближалась к берегу, однако никто не был уверен, что ветром не пронесёт её мимо. Но вот очертания берегов стали делаться явственнее. Вот погибающие рассмотрели труды скопившегося льда, прибитого к земле. Наконец, наступил момент, когда и их льдина с шумом врезалась в гущу стоявшего у берега льда и остановилась. Не теряя ни минуты, погибающие мореплаватели, перепрыгивая с одной льдины на другую, побежали на берег, — и скоро оказались на суше.

Это спасение казалось им прямо каким-то чудом.

Однако, избежав ближайшей и непосредственной опасности, они всё-таки оказались далеко не в завидном положении, в особенности когда убедились, что это был только пустынный, необитаемый остров, попасть с которого на материк, не имея лодки, можно было только зимой по льду. А между тем до зимы можно было сто раз помереть, если не с голоду, то от холоду.

XIX. Пустынный остров.

По счастью, возле берега оказались целые горы наносного леса, так что недостатка в топливе не могло быть, а внутри острова тучами летали утки, гуси и другие птицы, выводившие здесь своих птенцов. Почти умиравшие от истощения путешественники занялись охотой, — и скоро все их муки от голода отошли в область прошлого. На острове оказались даже олени, забредшие сюда, вероятно, с весны по твёрдому льду, а возле берегов виднелись стада тюленей и слышался рёв моржей. Таким образом, вопрос о возможности существования более или менее разрешился.

Надо будет строить лодку, — сказали гребцы, когда вечером после обзора острова все собрались вместе для ночлега.

— Лодку? Из чего? — удивился Бельский, которому до сих пор не приходила в голову даже возможность постройки на этом пустынном острове лодки.

— Как из чего? А мало ли тут наносного леса?

— Да ведь он не годится для постройки лодки.

— Отчего не годится? Вот, настреляем тюленей да и смастерим лодку.

— Из тюленей?

— Из тюленьих шкур. Мы построим эскимосскую «умьяку». Для устройства её остова годится и этот лес, а потом этот остов мы обтянем тюленьими шкурами, — вот у нас и будет готова лодка.

— А ведь это идея! — вскричал Назаров.

И все приступили к обсуждению вопроса о возможности постройки умьяки, на которой можно было бы переправиться на материк ещё до наступления зимних холодов.

По счастью, у одного из гребцов уцелел после крушения топор, который теперь пригодился как нельзя более кстати.

Надежда на скорое спасение оживила всех, и для ускорения работы тотчас же было произведено разделение труда между всеми. Один из гребцов должен был работать топором, подготавливая материалы для остова лодки, двое других взялись выделывать и сшивать, при помощи самодельных костяных иглок и оленьих сухожилий, необходимые для покрытия будущей умьяки шкуры тюленей, а наши два друга вместе с четвёртым гребцом должны были заняться охотой на тюленей и оленей, чтобы доставлять провизию и шкуры для умьяки. Дело быстро подвигалось вперёд, — и к началу августа, к тому времени, когда уже начинались заморозки, умьяка была готова.

Путешественники собрались в путь. Но они не имели никакого понятия о том, сколько времени потребуется для того, чтобы достичь материка. Они знали только одно: что для этого надобно плыть на юг. Точно также им было неизвестно, что за остров был, на котором они спаслись, к какой группе он принадлежит и куда их занесло на льдине после крушения: на восток ли, к Берингову проливу — цели их путешествия, или снова возвратило на запад, и

весь их предыдущий путь пропал для них даром; или, может быть, даже и в самом деле они попали к северному полюсу...

Назаров и гребцы в один голос утверждали, что их приблизило к востоку, и что они, по всей вероятности, находились на одном из островов, лежащих возле большого острова Врангеля, и, следовательно, были недалеко от Чукотского полуострова; Бельский же оспаривал это и уверял, что, наоборот, они отклонились на запад и что остров, на котором они находились, принадлежит к группе Ново-Сибирских островов. Но которое из этих мнений было более верным, — решить оказывалось трудным, так как во время бушевавшего в течение нескольких дней шторма, пока их носило на льдине по воле ветра, вследствие пасмурной погоды, было невозможно определить положение солнца на небе, а стало быть и страну света, с которой дул ветер. Однако, судя по большому количеству наносного леса на берегах острова, можно было заключить, что они находились не особенно далеко, при том против устья какой-либо большой реки, так как лес обыкновенно заносится в Ледовитый океан из сибирских рек.

Действительно, на другой же день по отплытии их с острова на юге показались берега земли, и путешественники без особенных затруднений достигли материка, а вскоре после этого встретили стоянку юкагиров, от которых узнали, что находятся неподалёку от устья реки Колымы. Стало быть, остров, на котором они спасались, принадлежал к группе Медвежьих островов, лежащих почти прямо против устья этой реки.

Спустя несколько дней после этого приятели были уже в Нижне-Колымске.

Нижне-Колымск — один из самых северных городов в мире. Он лежит за полярным кругом среди тайги, неподалёку от устья реки Колымы, под 68° северной широты. Жителей в нём насчитывается всего около 200 человек.

Печальная растительность окрестностей этого города вполне гармонирует со страшным климатом этой местности. Моховая степь, тощие луга и небольшие пространства, покрытые тальником, — вот все произведения ниже-колымской равнины.

Главные занятия ниже-колымчан — рыбная ловля и охота. Женщины летом занимаются сбором на зиму брусники, голубики, морошки, богородской травы и полыни. Это для колымчан то же, что в тёплых странах сбор винограда. Впрочем, на ягоды не всегда бывает урожай, их губят часто преждевременные морозы. Немалое подспорье для здешних хозяек составляет также сбор разных мучнистых корней, выкапываемых ими в подземных мышинных норах.

Зима наступает здесь очень рано; уже в первых числах сентября холода достигают нередко до -35° , а иногда случается, что даже во второй половине августа река около Нижне-Колымска замерзает.

XX. Нижне-Колымск и Колымский округ

С 22 ноября солнце в Нижне-Колымске совсем перестаёт показываться, и наступает долгая полярная ночь, мрак которой умеряется лишь отражением от ослепительно-белого снега да частым северным сиянием. Однако жители Нижне-Колымска проводят эту тёмную, полярную бесконечную ночь гораздо оживлённее, чем якуты Верхоянского округа, куда были сосланы наши приятели. Население Нижне-Колымска состоит из ссыльных и помеси русских казаков, первоначальных завоевателей этого края, с туземцами, преимущественно якутами. Оно отличается более живым характером, чем окружающие коренные туземцы — и в долгую полярную ночь здесь устраиваются вечеринки: соседи ходят друг к другу в гости, пьют крепкий чай с леденцами, ведут разговоры, играют на балалайке, поют, устраивают пляски и проч.

В половине марта низко на горизонте в полдень снова появляется ненадолго негреющее солнце, но морозы в это время бывают ещё очень большие. С 15 мая до 6 июня солнце уже не заходит, однако оно почти только светит, а не греет. Почки на кустах тальника начинают распускаться лишь в последних числах мая; в июне в полдень температура поднимается до 16° , но нередко случается, что вдруг вся зелень уничтожается от порыва холодного морского ветра. В июле из неизмеримых тундровых болот поднимаются мириады

мошек и комаров, и потому в это время всюду виднеются дымокуры, без которых в городе и его окрестностях нет спасения. Из-за мошек и олени во время летней жары перекочёвывают в горы или па прохладные берега океана.

Река Колыма — одна из крупных, но совершенно пустынных рек северо-восточной Сибири. Начинается она на северном склоне Станового хребта и течёт в северо-восточном направлении на протяжении 1,850 вёрст, из которых 1,200 вёрст считаются совершенно судоходными. Однако эта река более двух третей года остаётся подо льдом, а вследствие своего северного направления вскрывается в верховьях несколько ранее; этим обуславливаются ледяные заторы и огромные разливы и наводнения.

Лежащий в бассейне этой реки Колымский округ — самый пустынный из всех округов Якутской области. Несмотря на то, что своим пространством, как и Верхоянский округ, он превосходит многие европейские государства, жителей в нём насчитывается всего около 7,000 душ обоего пола. Из кочующих племён здесь обитают, главным образом, ламуты, тунгусы, якуты, чукчи и юкагиры. Из русских встречаются больше всего скопцы и раскольники, главное занятие которых — рыболовство и звероловство. Здесь в изобилии водятся песцы, лисицы, медведи, лоси, олени, козы, белки, горностаи и проч. Но как русские, так и многие инородцы занимаются также и скотоводством. Земледелия не существует, так как климатические условия не позволяют вызревать посевам.

XXI. На лодке по р. Малому Анюю

Приятель заехал в Нижне-Колымск, чтобы продать те шкуры зверей, которые они успели напромышлять, находясь на необитаемом острове, а также запасы мамонтовой кости, которые они там набрали. Остальные продукты их охоты, которые они добыли ранее, погибли во время крушения их лодки. И вот теперь они думали, продав то немногое, что у них имелось, запастись вновь табаком, кирпичным чаем и другими предметами, необходимыми для обмена за услуги туземцев, и отправиться далее по океану на

восток. Осенью около северных берегов Чукотского полуострова нередко плавают китоловные английские, американские и японские суда, производя контрабандную охоту в российских водах на морских зверей, и они надеялись, что, на их счастье, авось, встретится подобное судно, на котором они могли бы в этом же году оставить пределы Российской Империи. Но, к сожалению, время было уже позднее; стояла середина августа; начинались заморозки, и никто из туземцев не брался их везти из опасения быть застигнутыми морозами и застрять среди льдов в океане.

Волей-неволей приходилось или оставаться зимовать в Нижне-Колымске, или придумывать что-либо другое.

Между прочим, приятели узнали, что зимою, в начале марта, на реке Малом Анюе, при впадении которой в Колыму расположен Нижне-Колымск, в 250 верстах от последнего бывает большая ярмарка, куда съезжаются для обмена продуктов своих промыслов на русские товары инородцы со всего Анадырского края; приезжают даже эскимосы с берегов Берингова моря. Приятели начали задумываться над тем, не изменить ли им свой маршрут и, дождавшись зимы, не поехать ли на ярмарку, где могут встретиться попутчики, которые довели бы их сухим путём до Берингова моря, к берегам которого они могли бы таким образом прибыть ещё в начале весны.

Однажды, гуляя в Нижне-Колымске на берегу реки, они встретили нескольких юкагиров, возвращавшихся на лодках с промыслов в Северном Ледовитом океане на морских зверей в верховья Малого Анюя, где были расположены их зимние становища.

Юкагиры — это бродячее, вымирающее племя, принадлежащее к гиперборейской народности, к которой принадлежат также чукчи и коряки. В настоящее время число юкагиров не достигает и тысячи душ. Они встречаются главным образом в северной части Якутской области, преимущественно по рекам Яне, Индигирке, Колыме и Анюю. По наружному своему виду — это народ рослый, сильный, хорошо сложенный, с чёрными волосами и глазами и светлой кожей. Летом они живут в переносных чумах, а зимою в бревенчатых юртах.

Юкагиры.

Прятели разговорились с встретившимися им юкагирами, которые своим честным, открытым характером и своею весёлостью произвели на них очень хорошее впечатление, — и решили, не ожидая наступления зимы, вместе с ними отправиться к верховьям реки Анюя, чтобы быть поближе к Анюйскому острожку, где происходит ярмарка, а до её наступления заняться вместе с юкагирами охотой. Они надеялись кое-что заработать зимнею охотой и потом продать на Анюйской ярмарке, дабы иметь таким образом лишние средства для своего дальнейшего путешествия. Август был на исходе, и юкагиры торопились попасть домой к осеннему ходу диких северных оленей, возвращающихся около этого времени с берегов океана в более тёплые лесистые местности.

Условившись с юкагирами, они собрали свой пожитки и отправились на лодках вверх по реке Малому Анюю.

Анюйский край, несмотря на своё положение за пределами полярного круга и продолжительность зимы, благодаря тому, что защищён от холодных ветров горами, изобилует растительностью. В долине реки Анюя всюду виднелись берёзовые, осиновые и тополёвые рощи, а на более возвышенных местах — кедр и лиственница. По сравнению с пустынными окрестностями Нижне-Колымска, это была прямо благословенная страна, хотя она и находилась на той же самой широте. В лесах Анюйского края в изобилии водятся лоси, олени, медведи, лисицы, соболи, белки и в особенности песцы. А весной он кишит миллионами уток, гусей,

лебедей и прочей птиц. Но в общем страна производит впечатление заброшенности.

Юкагиры.

Путешественники прибыли к месту жительства своих возниц в то самое время, когда сюда стеклось много и других инородцев из ближайших окрестностей: бродячие якуты, тунгузы, ламуты, у которых, как и у анюйских юкагиров, главнейшую роль в жизни играет охота на северных оленей, — всё это с нетерпением ждало появления этих животных.

Как у земледельческих народов от урожая хлебов зависит дальнейшее существование впредь до следующей жатвы, или как у прибрежных инородцев, живущих исключительно рыболовством, это существование зависит от весеннего и летнего хода рыбы, — так существование юкагиров и некоторых других инородцев крайнего севера обуславливается исключительно ходом северных оленей.

Ход северных оленей бывает два раза в году; весной, когда мошки гонят их из лесов к прохладным морским берегам, где они находят себе пищу в обильной лишаями тундре, и другой — осенью, когда наступающие холода прогоняют их обратно от суровых, пустынных берегов в леса. Но так как лето здесь чрезвычайно короткое, то оба хода близко следуют друг за другом. Весенний ход, начинающийся с половины мая, бывает не очень добычлив, отчасти потому, что олени

в это время худы и шерсть их плоха, а отчасти оттого, что их трудно бить при переходе через замерзшие реки. Настоящая охота бывает только в сентябре. В хорошие года число переходящих с севера оленей доходит до нескольких сот тысяч, при чём они распадаются на стада в 200 — 300 голов. Путь их всегда и неизменно бывает один и тот же. Иностранцы, зная места их переправ через реки, подстерегают их здесь, и лишь только стадо опустится в воду и начнёт переплывать реку, как они со всех сторон набрасываются на него из своих засад — и тут начинается бойня.

XXII. Ход оленей

В ожидании появления оленей, которые вот-вот должны были показаться на правом берегу реки, все охотники, как местные, так и прибывшие со стороны, заранее разделились на группы и распределили роли между собой. При этом опытными охотниками заранее предусмотрены были все случаи, откуда будет во время хода оленей направление ветра, чтобы действовать при нападении с подветренной стороны и не дать возможности чутким зверям по запаху узнать о присутствии людей на противоположном берегу. При нападении одни должны были действовать копьями, ножами и дубинами с лодок в воде, другие подбирать убитых и раненых, плывущих по реке, третьи, оставаясь на берегу, стрелять в подплывавших, бить выходящих из воды, ловить и добивать раненых.

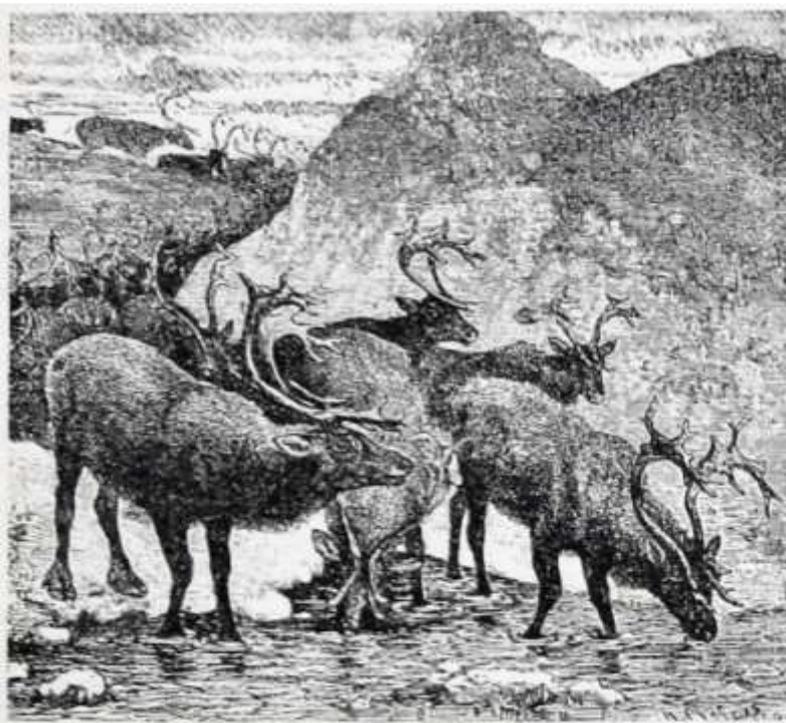
Наши два приятеля, как не умевшие искусно владеть лодками, были зачислены к сухопутным стрелкам.

Нетерпение всех с каждым днём увеличивалось всё более и более, как вдруг однажды с быстротою молнии по всем стойбищам разнеслась весть: олени показались!

Наши приятели, схватив ружья, бросились на берег реки, пологий с этой стороны, но обросший кустарником, куда уже бежали, стараясь скрываться за кустами, и юкагиры, и якуты, и тунгусы. Всюду виднелись суетня и оживление, — но никто не производил ни малейшего шума, чтобы не испугать зверей, так как бывали

примеры, что олени, заслышав присутствие на другом берегу людей, уходили прочь и искали переправы в другом месте, к ужасу и отчаянию охотников, которым вследствие этого угрожал с их семьями неизбежный голод.

Прибежав на берег реки и скрываясь в кустах, наши приятели увидели на противоположном высоком берегу целый движущийся лес рогов, покрывавший все высоты. Оленей в этом году было видимо-невидимо.

Перекочёвка северных оленей.

Вот первое стадо, отделившись от других, под предводительством самого крупного оленя, спустилось с крутого берега к реке. Передовой самец подошёл к воде, которая уже обрамилась возле берегов узкою лентой тонкого льда, и начал пробовать ногами то в том, то в другом месте, где бы поудобнее начать переправу, в то время как остальное стадо терпеливо ожидало результата его изысканий. Но вот он нащупал подходящее место, обнюхал воздух, опустил в воду и быстро поплыл к противоположному берегу. И тотчас же следом за ним остальные олени сплошной массой начали спускаться в реку, — и скоро вся её поверхность покрылась плывущими животными. Но тут охотники, скрывавшиеся до этого

времени под ветром за заливами, кустами и камнями, с быстротою птицы полетели к ним на своих лёгоньких челночках, врезались в самую их гущу, — и началась кровавая бойня. Охотники били пловших оленей копьями, топорами, ножами, дубинами, кто сколько мог. Но и олени, со своей стороны, по мере сил, старались защищаться и рогами, и зубами, и задними ногами. Некоторые самки в отчаянии пробовали даже вспрыгнуть передними ногами в лодки охотников и опрокинуть их. Но те удивительно ловко умели избегать опасности и вовремя увёртывались от нападений оленей. Однако, две-три лодки всё-таки были опрокинуты, но выбитые из них люди успели вовремя ухватиться за ближайших оленей и, усевшись им на спину, были благополучно вынесены ими же на берег.

В то время, как одни челноки били пловших животных, другие ловили и подбирали в воде уже убитых и уносимых течением, связывали их ремнями в кучу и, привязав одним концом ремня к берегу, чтобы не унесло водой, снова возвращались ловить трупы других животных.

Но этим не ограничились бедствия несчастного оленьего стада. Лишь только оно приблизилось к противоположному берегу на выстрел, как в него посыпались пули скрывавшихся на берегу стрелков, а на выходивших уже на берег набросились с топорами и дубинами другие охотники, — и тут началась новая бойня.

Стук рогов, крики охотников, храп оленей, река, окрасившаяся кровью животных в тёмно-красный цвет, суматоха среди реки, суматоха на берегу — всё это представило такую картину, которую описать невозможно. Здесь не было места чувству какой-либо жалости; заботились только об одном, чтобы как можно больше накрошить зверя.

Все словно остервенели и ничего больше не сознавали, как только бить и бить. Всех толкал к этому могущественный, стоявший за спиною каждого, неминуемый царь-голод в случае неудачной охоты.

Но, разумеется, всех оленей перебить было невозможно, и большая часть их всё-таки благополучно переплыла реку и скрылась, а другие, оставшиеся на том берегу и ещё не успевшие пуститься вплавь,

заметив вовремя опасность, повернули назад, чтобы искать переправы в другом месте.

Таким образом, в этот год промысел на оленей был чрезвычайно удачен, и все инородцы, принимавшие участие в этой охоте, были на вершине блаженства: они знали, что им не придётся этой зимой голодать, как случалось это нередко в предыдущие года, когда ход оленей был скудный.

Убитых животных поделили и опустили в воду, чтобы они не испортились, а затем в следующие дни содрали с них шкуры, мясо некоторые прокоптили, некоторые провялили на солнце, а другие даже просто только заморозили. На долю наших приятелей досталось более сотни оленьих шкур, а так как олени шкуры осеннего боя в то время на Анюйской ярмарке стоили от 4 до 5 рублей штука, то они считали себя теперь совершенно обеспеченными для дальнейшего путешествия и для первого прожителства в Америке, если только им удастся туда попасть.

До наступления ярмарки приятели остались жить у юкагигов, чтобы охотиться вместе с ними на лисиц, соболей и песцов, которые водились в этих местах в изобилии и шкурки которых считаются самыми лучшими во всей Сибири.

Мы не будем здесь описывать, как они проводили долгую полярную ночь. Эта ночь была похожа на подобные же ночи в Верхоянске, но только приятели чувствовали себя здесь несравненно счастливее: их окрыляла надежда на скорое прибытие в страну свободных американских граждан, где, как они были уверены, должны были окончиться все их мытарства и начаться новая жизнь.

XXIII. Живое облако

В конце февраля беглецы стали готовиться вместе с юкагирами к отъезду на ярмарку. Полярная ночь в это время была ещё длинна, но в полдень на юге начинало уже светлеть.

Упряжным животным у юкагигов служить собака. В начале марта, разложив свою кладь, состоявшую преимущественно из мехов разных зверей, на несколько собачьих нарт, путешественники со

своими хозяевами отправились на Анюйскую ярмарку. До Анюйского острожка, где происходит эта ярмарка, от стойбища юкагиров было не больше 70 вёрст, и на пути надобно было сделать всего только одну остановку, чтобы дать роздых и кормёжку собакам.

Дорога всё время шла по льду реки Анюя. Несмотря на близость весны, мороз был ужасающий, даже от снега поднимался парь, а над собаками стояло целое облако испарений. Однако, так как погода была безветренная, от холода не очень страдали, — страдают только при ветре. Холод в 20 градусов при ветре уже невыносим, а при 40° он убил бы всякое живое существо. Но, по счастью, при сильных морозах ветра обыкновенно не бывает.

Около полудня, когда на юге показалось низко над горизонтом и притом всего на несколько минут полуночное солнце, сделали привал и развели костёр, чтобы сварить себе чаю. Но мороз был такой, что посуду с кипящим чаем приходилось держать почти всё время над огнём, иначе чай моментально остывал. Кипяток, выплеснутый из сосуда, сразу превращался в лёд.

Пока путники стояли биваком, вдруг из-за крутого поворота реки выкатилось по направлению к ним какое-то странное небольшое облачко, и, к удивлению и недоумению наших приятелей, тотчас же остановилось, точно испугавшись присутствия здесь людей; затем оно повернуло в сторону и быстро покатило по земле прочь от них. Очертания этого облачка были вполне определённые и сведены между собой, и оно до того походило на кучевое облако, какие плывут иногда у нас в летние дни по ясному синему небу, что казалось прямо непостижимым, каким образом, вместо того, чтобы стоять на небе, оно двигалось по поверхности земли. Но недоумение наших приятелей ещё более возросло, когда один из юкагиров, схватив ружьё, выстрелил вдогонку этому удалявшемуся облаку, задвигавшемуся ещё быстрее и скоро скрывшемуся в соседнем лесу. Но после выстрела от него остался какой-то неподвижный, дымившийся предмет на снегу, оказавшийся ... трупом оленя. Таким образом объяснилось, что двигавшееся облако было стадом диких оленей, окружённых столь густым слоем своих собственных испарений, что в них не видно было самих животных.

С убитого оленя сняли шкуру, а свежее мясо его зажарили на костре и, пообедав, отправились далее.

XXIV. Анюйская ярмарка

Путники подъезжали к Анюйскому острожку как раз накануне официального открытия ярмарки, представлявшей в это время оригинальное зрелище.

Давно уже была ночь, и ещё далеко не доезжая до села, они услышали доносившийся из него вой нескольких сотен собак и глухой бой шаманских барабанов; повсюду впереди горели костры съехавшихся на ярмарку гостей, расположившихся биваками под открытым небом; из куполообразных палаток чукчей, которых было более других инородцев на ярмарке, выходил красный дым, поднимающийся к небу, усеянному блестящими звёздами; вдали мерцало северное сияние, поминутно менявшее свой цвет из жёлтого в красный, зелёный и другие.

Такова была декорация покрытого снежным покровом небольшого острова на р. Анюе, где был расположен острожек. Сюда съехались люди разных племён и наречий из-за 1,000-1,500 вёрст, иные верхом на лошадях, другие на оленях, а иные на собаках. Юкагиры, ламуты, тунгусы, чукчи, коряки, эскимосы, — вся эта разнородная смесь приехала сюда, чтобы менять сырые произведения на привозимые русскими, якутами и чукчами товары.

Чукчи повезли на ярмарку целые груды медвежьих выделанных шкур, моржовых ремней и бивней, санных полозьев из китового уса и рёбер, готовые одежды из шкур северных оленей, а также разный американский пушной товар, уложенный в чемоданы из тюленьих шкур, которые чукчи умеют искусно готовить, вынимая кости и мясо через небольшое отверстие, сделанное в животе животного.

Русские купцы, кроме табака, — этого предмета первой необходимости среди сибирских инородцев, — привезли хлеб, чай, сахар и разный железный товар: котлы, ножи, топоры, а также разные материи, — последние преимущественно для русских, живущих по Колыме.

Вся эта разноплеменная смесь суетилась, галдела и шумела по поводу только что объявленной таксы на товары. Чтобы не вызывать острых столкновений из-за цены товаров с дикими, воинственными чукчами, уже с давних пор на этой ярмарке установился обычай заранее, перед её открытием, определять таксу всех товаров, привезённых на ярмарку, и тот, кто отдаст свой товар ниже назначенной стоимости, подвергается штрафу. Но так как торговля идёт здесь преимущественно меновая, а не денежная, то единицей стоимости обыкновенно считается фунт листового табаку, к которому и приравниваются все другие товары.

Чукчи.

Тон всему на этой ярмарке задают чукчи. Когда-то они производили здесь обмен товарами с русскими не иначе, как на острии пик. Они вешали на острый конец длинной пики звериную шкуру или моржовый зуб и ждали, когда русский промышленник снимет их и на их место повесит связку табаку пропорционального веса. Этот способ обеспечивал их от широко практиковавшихся в то время русскими кулаками обманов, так как трудно было отыскать такого торговца, который бы решился обмануть этих суровых дикарей при виде длинной пики в полуаршине от своей груди. Таким образом приходилось по необходимости быть честным.

В настоящее время нравы чукчей значительно смягчились, но всё-таки на время ярмарки сюда присылается из округа особый чиновник с небольшим отрядом, чтобы наблюдать за порядком и спокойствием и собирать в казну небольшую подать с чукчей.

Въехав в село и отыскав свободное местечко, юкагиры, привёзшие наших приятелей, разбили чум, в котором и разместились на ночлег.

Поутру, когда все предварительные приготовления к открытию ярмарки были окончены, ударили к обедне, и все православные пошли в церковь. После обедни на башенке острога подняли флаг, и ярмарка открылась. Но никто ещё не приступал к торговле, — все ждали сигнального колокольного звона для этого. А тем временем всё пришло в движение: чукчи, вооружённые дротиками, стрелами и луками, начали расставлять свои нарты с товарами полукругом перед небольшою деревянною крепостцою, а против них стали устанавливаться русские и другие торговцы, и все, затаив дыхание, ждали сигнала. И едва только пронёсся гул от первого удара колокола, как в толпе русских купцов произошла головокружительная суматоха. Всякий из них, торопливо нагрузив себя самым странным образом своими товарами — связками табаку, котлами, ножами, чаем, сахаром и проч., бросился бежать со всех ног, стараясь опередить других, чтобы стать первым у саней намеченного им чукчи. Произошла страшная давка. Второпях многие скользили на снегу и вместе со своими товарами распластывались на земле, — но их конкуренты не обращая на это ни малейшего внимания, перескакивали через упавших и продолжали бежать вперёд к намеченной цели. Крик, ругань, а иногда и зуботычины раздавались кругом. Но никто на это уже не обращал внимания, каждый старался ловить дорогие минуты. Что за беда, если кто дорогой потерял шапку или рукавицы или оставил несколько выбитых зубов! Часто окровавленный протискивался он среди других к заветным саням, без шапки и рукавиц. И ещё далеко не добежав до первого чукча, он уже издали начинал расточать перед ним потоки красноречия и на странной смеси русского, якутского и чукотского языков выхвалять удивительную доброкачественность своего табака или необыкновенную прочность котла.

А в противоположность этой суетливости, чукчи в это время оставались совершенно спокойными. Молча, с достоинством и непоколебимым хладнокровием, снисходительно выслушивали они болтовню русских купцов и если, по их мнению, им мало давали за их

товар, отрицательно качали головой. И между тем как русские в поспешности отдавали два пуда табаку, вместо одного, или хватали, вместо чернобурой лисицы, более дешёвую красную, — чукчи ни на один миг не терялись; и хотя у них не было весов, но их трудно было обмануть в весе: чукча на руке услышит, если в пуде табака недостаёт хоть одной четверти фунта.

Назаров с Бельским, продав, что ими было добыто охотой, и закупив для дороги всё необходимое, ходили по ярмарке, с любопытством наблюдая разные бытовые сцены и в то же время подыскивая среди приехавших со всех концов инородцев подходящих себе попутчиков. И действительно, им удалось найти несколько эскимосов, прибывших с берегов Берингова моря, с которыми они и условились ехать. Эскимосы привозили на ярмарку американский пушной товар и обратно возвращались почти порожняком, так как все товары, которые можно было приобрести на ярмарке, они могли легко доставать у американских промышленников и китоловов, ежегодно посещающих их берега. Эти эскимосы не говорили ни по-русски, ни по-якутски, но некоторые из них понимали по-английски настолько, что с ними можно было столкнуться. Вообще инородцы, живущие по берегам Берингова моря, чаще знают английский язык, чем русский, потому что им больше приходится иметь дело с американскими моряками.

После ярмарки, продолжавшейся три дня, начались разные увеселения. Инородцы стали устраивать состязания в беге на оленях, на собаках и пешком, при чём призами для победителей служили или пара моржовых бивней, или шкурка камчатского бобра, или дорогого голубого песка и проч. В пеших состязаниях у чукчей соперников не оказалось. Пробежать вёрст 15 бегом в своих тяжёлых зимних одеждах для чукчи ничего не значит. Но зато в стрельбе из луков первые призы получили юкагиры.

XXV. Страна чукчей и её обитатели.

Когда все ярмарочные увеселения, задерживавшие эскимосов, окончились, наши приятели отправились снова на собаках в дальнейший путь.

Чтобы попасть из долины р. Анюя в долину р. Анадыри, текущей сначала с северо-востока на юго-запад, а потом поворачивающей прямо на восток, надо было перевалить через отроги Станового хребта, которые здесь были хотя и не высоки, но переезд по ним в это суровое время года был чрезвычайно труден. Во многих местах перевалы были ужасно круты, и путникам нередко буквально приходилось скатываться на спине по обледеневшему снегу с гор, а взбираться на них было возможно не иначе, как только предварительно вырубая в заледеневшем снегу ступеньки. Привычные к подобным подъёмам собаки с трудом могли тащить на горы даже пустые сани. Но зато при спусках они неслись подобно сорвавшемуся снежному обвалу.

За Становым хребтом началась уже страна чукчей, лежавшая в Анадырском округе, через которую путники должны были следовать вплоть до устья р. Анадыря. Только в верхней трети этой реки встречались ещё хвойные леса, а в остальных частях и по сторонам — всюду холмистая тундра, настоящая снеговая пустыня. Удручающее впечатление производила эта пустыня на наших путешественников. Нигде не видно было ни малейших признаков животной или растительной жизни, ничто не указывало на то, что летом эта снежная пустыня покрывается цветами или озаряется тёплыми солнечными лучами. Позади в отдалении виднелись белые очертания гор, принимавших тысячи фантастических образов, словно туманные картины переливавшиеся из одного в другой. И весь этот зимний пейзаж освещался каким-то странным, сумрачным светом, потому что даже в полдень солнце в своём зените виднелось лишь красным, негреющим огненным шаром на отдалённом южном горизонте. Казалось, что оно только что встало — и вскоре настанет настоящий день; но вдруг, вместо того, чтобы окончательно рассвело, оно исчезало за горизонтом, и сумерки сменялись ночью.

Проходило всего каких-нибудь три-четыре часа, как взошло солнце, а уже на небе снова ясно виднелись крупные звёзды.

Несколько дней ехали путники, не встречая ни одной палатки, ни одного жителя. Когда собаки утомлялись и требовали отдыха и корма, караван останавливался, эскимосы разбивали палатку, разводили огонь и путешественники проводили ночь, забравшись в свои меховые спальные мешки. Материалом для разведения огня при таких остановках обыкновенно служили шишки ползучего полярного кедра.

Это одно из замечательных растений Сибири. Не то это дерево, не то куст, не то лоза. Оно не походит ни на одно из них и, тем не менее, имеет характеристические особенности всех трёх. Ствол его, как брошенная лоза, тянется по земле горизонтально и только перпендикулярные ветки высовываются из-под снега. На нём иглы и шишки, как на обыкновенной лиственнице, и он встречается большими группами, покрывающими часто площадь в несколько десятин. Этот кедровник встречается на самых пустынных степях и на обнажённых горных скатах на всём протяжении между Охотским морем и Северным Ледовитым океаном.

Но здесь необходимо сказать несколько поподробнее о самих обитателях этой суровой страны — чукчах.

Чукчи разделяются на две ветви: на оленные племена, или «чаучу», и на охотников за тюленями и моржами, или «чоуаны». Первые кочуют со своими стадами оленей по суровой, пустынной тундре своей родины; вторые живут более или менее оседло около берегов Северного Ледовитого океана и на севере Берингова моря. Но береговые или сидячие племена находятся в постоянном общении с родственными им кочующими или оленными племенами, меняя моржовый жир и шкуры моржей и тюленей на оленьи шкуры и мясо; эта оживлённая меновая торговля даёт им возможность не перемещать своих жилищ с места на место, а жить более или менее оседло. Жилища чукчей делаются летом из моржовых, а зимою из оленьих шкур, сшитых вместе и натянутых на деревянный остов. Внутри такого шатра, иногда очень почтенных размеров, устанавливаются вокруг внутреннего его циркуля несколько

небольших «пологов» квадратной или продолговатой формы, состоящих также из сшитых вместе и натянутых на деревянный остов оленьих шкур. Эти внутренние, непроницаемые для ветра, но зато и совершенно не вентилируемые полога предназначаются для спальни, составляя отдельные жилища для разных близких родственным семей. Они нагреваются горящими в них плошками с тюленьим или моржовым жиром. Иногда под общим шатром такихпологов бывает до десятка и более.

Несмотря на крайнюю неудовлетворительность жизненных условий, чукчи отличаются крепким, здоровым телосложением. По языку они относятся к группе гиперборейцев, к которым вместе с ними принадлежат также коряки, юкагиры, камчадалы, эскимосы, а также некоторые индейцы полярной Америки.

Чукчи управляются сами собой; у них нет никакой общественной организации; каждая семья — это самоуправляющаяся единица, ни от кого не зависящая. Перед русскими властями чукчи отвечают только за преступления и проступки, которые совершают за пределами чукотской земли.

Как у всех диких народов, женщины у чукчей являются рабынями своих мужей и принуждены исполнять все тяжёлые и неприятные работы в хозяйстве, тогда как охота и другие, более чистые занятия составляют привилегию одних лишь мужчин. Но отягчённые и без того всякого рода грубыми работами, чукотские женщины находят ещё время шить, и многие из них в этом отношении выказывают очень изысканный вкус, проявляемый в разного рода вышивках и украшениях на некоторых частях одежды. Однако нужно отдать справедливость: чукчи обращаются со своими жёнами, которых у них бывает иногда по несколько, очень мягко и во всех важных случаях всегда советуются с ними. А обращение их с детьми крайне нежное и заботливое. Чукча никогда не сделает гневного окрика на ребёнка, тем более никогда его не ударит.

Чукчи обоготворяют тела и явления природы, а также солнце, луну, некоторых зверей; они верят в разных злых духов, и в особенности чтут духов умерших предков; они приносят этим божествам и духам жертвы, убивая в честь их животных. Из чукчей

очень немногие крещены, да и те только чисто внешним образом приняли христианство, которого они не понимают.

Чукчи столкнулись с русскими ещё в середине XVII века и вели довольно упорную борьбу, отстаивая свою независимость. Это был в то время народ очень воинственный и храбрый. Они носили латы из китовой кожи, род кольчуг из моржовой кости и китового уса. Но и до сих пор они почти совершенно независимы, тем более, что по отдалённости края и суровости его климата русские редко там бывают. Гораздо более у них связи с северо-американцами, которые в обмен на продукты их охоты и рыболовства контрабандно доставляют им всё необходимое для их обихода, в том числе табак, водку, порох, ружья, свинец и проч., так что в действительности чукчи пользуются и по настоящее время почти полную независимостью, и ясак уплачивают только те из них, которые являются на ярмарки в Нижне-Колымск и Анюй.

XXVI. Поездка в «самую дальнюю дорогу»

Путники приближались к долине реки Анадыри, где чаще всего кочевали чукчи. Однажды передовые собаки вдруг наострили уши, раздули ноздри и с отрывистым лаем пустились вскачь по направлению к видневшейся в стороне сопке. Тщетно каюры старались умерить быстроту их бега, — всякая тень дисциплины среди них исчезла, потому что они почуяли близость оленей. Через две-три минуты караван очутился на верху горы, и перед глазами путешественников открылись несколько больших, круглых куполообразных шатров, окружённых огромным стадом оленей в несколько тысяч голов. Некоторые из оленей рыли снег, отыскивая мох, другие бодались, третьи гонялись друг за другом в бешеной скачке по равнине. При виде этого стада собаки разом огласили воздух страшным лаем и, не обращая никакого внимания на каюров, бросились вниз с горы. Громадное стадо оленей пришло в замешательство и, поколебавшись минуту, обратилось в бегство, увлекая за собою и чукотских пастухов, и разъярённых собак, и каюров. Сбившаяся в кучу толпа людей и животных неслась в

открытую степь, и вся стоянка оленьих чукчей вдруг оживилась. Из шалашей показались люди и, схватив длинные пики, воткнутые в снег близ шатров, бросились также вслед за убежавшими оленями, оглашая воздух криками, руганью и стараясь арканами остановить собак от преследования оленей. Шум стучающихся друг о друга тысяч рогов, быстрый топот бесчисленных копыт по твёрдому снегу, глухой, сиплый вой оленей, лай собак и крики чукчей, старавшихся водворить порядок в до смерти перепуганных стадах, — все это образовало страшный кавардак, шум которого разносился далеко кругом в ясном морозном воздухе.

Но скоро собаки, утомлённые преследованием и выбившиеся из последних сил, поддались воле своих каюров и повернули обратно в сторону стоянки. Шум мало-помалу затих.

Возле шатров толпились люди, а из самого большого из них доносились сдержанные голоса целой толпы народа, съехавшегося сюда, по-видимому, по какому-то особенному случаю. Тут были не одни чукчи, но и коряки, и юкагиры, и тунгусы. При входе в этот наполненный народом шатёр стояла привязанной пара белых оленей, запряжённых в новенькие щегольские нарты, видимо, ожидавшие чьего-то отъезда. Наши приятели направились прямо в этот шатёр.

— Что тут такое происходит? — спросил Бельский у встречных.

Но никто из них не говорил ни по-русски, ни по-якутски, и вопрос его остался без ответа.

Бельский с Назаровым вошли во внутренность шатра, который оказался полон народа, сидевшего на полу в кружок перед костром и обедавшего. Шатёр был громадных размеров, — одних «пологов», расположенных вдоль внутренних его стенок, было более дюжины. На самом почётном месте виднелась представительная фигура убелённого сединами, но ещё бодрого и крепкого чукчи, по-видимому, хозяина шатра. Он жестами пригласил наших приятелей принять участие в общей трапезе, что те и не замедлили исполнить, так как были голодны.

Обед, как видно, был парадный, так как подавались почти все кушанья, какие только были известны в чукотской кухне. Ели

варёное оленьё мясо, разложенное в деревянных корытах, сырую мороженую строганую рыбу, неизменную «маниалу», приготавливаемую из содержимого внутренностей желудка оленя, и проч. Хозяин держал какую-то речь к присутствующим, содержания которой наши приятели, за незнанием чукотского языка, не могли, к сожалению, уразуметь. Речь эта часто прерывалась то взрывами смеха обедавших, то как будто какими-то общими просьбами, обращаемыми к оратору. Видно было, что старый чукча находился в благодушном настроении.

— По какому случаю это празднество? — спросил Назаров у одного из своих эскимосов по-английски. — Провожают хозяина, — ответил тот.

— Куда же?

— В самую дальнюю дорогу.

Эскимос плохо владел английским языком, и больше от него так и не удалось ничего добиться.

— Странно: в какую такую дальнюю дорогу он может ехать, что его так торжественно собралось провожать столько народа? Уж не в Петербург ли с каким-либо ходатайством перед русским правительством? — смеясь, заметил Бельский.

— Погоди, посмотрим, что будет дальше, — сказал Назаров.

Наконец, когда обед окончился, старый чукча снял с себя всю бывшую на нём одежду и остался в чём мать родила; а затем медленно начал облекаться в подаваемые ему женой и детьми только что сшитые, новенькие одежды, мирно в то же время беседуя со своими домашними и отдавая какие-то распоряжения по хозяйству.

Прежде всего он надел на своё голое тело меховую рубашку, шерстью вниз, сшитую из мягких шкурок оленьих телят; затем нижние штаны тоже из тонкой оленьей шкуры; на ноги натянул меховые оленьи чулки; поверх нижней рубахи надел вторую из более толстой и плотной шкуры; обе рубахи достигали почти до колен и были одинаковой длины как спереди, так и сзади; они были широки, удобны и снабжены широкими рукавами, суживающимися у самых кистей рук, что давало возможность легко и быстро вынимать и

снова прятать руки под одежду на сильном морозе. Поверх нижних штанов он надел ещё другие из толстой оленьей шкуры; затем обул ноги в сапоги из тюленьей кожи, доходившие до колен, подбитые оленьей шкурою и с подошвами из медвежьей шкуры. На голову надел круглую с двойным мехом шапку с наушниками, сшитую из кожи, содранной с черепа волка, а поверх набросил ещё нечто в роде башлыка из шкурок молодых оленей. Сверх же всех этих одежд он накинул на себя ещё просторную кухлянку — род длинной широкой рубашки из оленьих шкур.

Таково полное одеяние чукчей, когда они отправлялись во время лютых зимних морозов в дальнюю дорогу.

Когда это облачение было окончено, старик закурил в последний раз трубку, а жена и взрослые дети окружили его. В шатре наступило гробовое молчание. Старый чукча, отложив докуренную трубку в сторону, расстегнул на своей груди ворот, открыл обнажённую шею и часть груди и запел какую-то воинственную песню. Двое взрослых сыновей встали по сторонам и начали поддерживать его за руки, а третий, старший, вынул остро отточенный нож и занёс его над головой отца.

— Вот странное прощание: точно он хочет его зарезать! — промолвил Бельский.

Но не успел он ещё окончить этой фразы, как вскрикнул от ужаса и изумления: сын действительно вонзил свой нож в шею старика возле сонной артерии по самую рукоятку, — и тот тихо склонился, бездыханный, на руки поддерживающей его старухи жены...

— Что они делают?! Они с ума сошли! — разом вскричали оба приятеля, поражённые этим неслыханным всенародным отцеубийством.

Но на их возглас никто не обратил никакого внимания, так как толпа присутствовавших, до сих пор молча, с торжественно сосредоточенными лицами смотревшая на всю эту церемонию, с шумными возгласами хлынула к убитому и начала мочить в его крови свои руки и мазать ею себе лица.

Назаров с Бельским не могли далее выносить этой ужасной сцены и, протискавшись к выходу, вышли на свежий воздух.

— А вы, должно быть, русские? — раздался подле них чей-то возглас по-якутски.

Приятели с удивлением оглянулись и увидели перед собой якута. Они тотчас же забросали его вопросами, стараясь узнать от него, что всё это значит.

— Это здесь бывает часто: у них такой обычай, — спокойно сказал якут. — Когда чукча состарится и почувствует, что силы его слабеют, и он не может более ходить на охоту и становится в тягость другим, или просто когда ему покажется, что он слишком долго зажил на свете, — то созывает своих детей, родственников и друзей и делает распоряжение о том, чтобы дети убили его. Они верят, что и на том свете будет продолжаться такая же жизнь, а стало быть, все рано или поздно увидятся там снова. Вот здесь хоть ножом зарезали, а то бывает, что возьмут верёвку, закинут на шею петлёй, один сын тянет ременной конец в одну сторону, другой в другую, а жена в это время держит мужа у себя на коленях. Часто помногу приезжает всякого народа посмотреть на такие проводы...

Пока якут давал эти объяснения, из шатра повалил народ, вынося убитого во всей его дорожной одежде. Труп положили на поджидавшие его нарты, запряжённые белыми оленями, и повезли к заранее приготовленному на высоком холме на берегу реки огромному костру, сложенному из наносного леса и ползучего кедра. Там зарезали привёзших мёртвое тело белых оленей, мясом которых обложили труп старого чукчи и вместе с нартами поставили на костёр; кроме того, на костёр сложили всё необходимые в быту чукчей вещи и оружие, и зажгли со всех сторон.

Когда пламя поднялось высоко к небу, провожавшие начали громко просить уходившего на тот свет, чтобы он кланялся там всем родным и знакомым, не забывал бы остающихся на земле, помогал им и ходатайствовал бы за них перед духами умерших.

Шаман ударил в бубен, и вокруг костра началась торжественная пляска. Народ запел погребальную песню. В пляске принимали участие все — и мужчины и женщины. Плясали долго, до изнеможения. Когда уставали одни и садились отдыхать, их сменяли

другие. Женщины прыгали вокруг огня, рвали на себе волосы, выли и визжали, издавая нечеловеческие вопли.

И долго до глубокой ночи продолжался этот дикий танец, пока все окончательно не выбились из сил и не стали расходиться.

XXVII. Кровавая страница из истории чукотско-корякских отношений.

Река Анадырь составляет границу между землями чукчей и коряков. На севере от этой реки живут чукчи, на юге коряки. Коряки — племя родственное как по языку, так и по происхождению чукчам, и так же, как и чукчи, они разделяются по образу жизни на оленных кочевников и оседлых, или береговых. Даже по внешнему своему виду эти два народа очень похожи. Как у тех, так и у других лица открытые, смелые, честные. Все они среднего роста, крепкого телосложения, с крупным лицом, приплюснутой головой и маленькими глазами при выдающихся скулах. Волосы у них чёрные; головы часто с бритой маковкой и очень скудную растительностью на бороде.

В нравах и обычаях этих двух народов также очень много общего. Гораздо более разницы между оленными кочевыми коряками и их оседлыми сородичами — береговыми, чем между кочевыми чукчами и коряками. Береговые коряки по большей части испорчены в нравственном отношении русскими и американскими промышленниками. Они чрезвычайно жестоки, грубы, дерзки, мстительны, лживы и бесчестны, тогда как кочующие оленные коряки составляют совершенную их противоположность.

Эти коряки, — подобно своим северным соседям, чукчам, — честны, горды и независимы. Свободу они любят больше всего. Если у коряка есть дюжина оленей, — больше ему ничего не надо. Он сам себе закон. Никаких глав они не признают, но держатся взаимным согласием и только иногда, ради удобства, соединяются в племена из шести-семи семейств. Предводитель их — тиун, бывает обыкновенно самый крупный владелец оленей, но он не имеет никакой власти над частными лицами. Он решает только вопросы о передвижении

племени с места на место, о расположении шатров и т. п., так как в качестве самого крупного владельца оленей он в этом более других заинтересован. Ко всяким же чиновным отличиям они относятся с величайшим презрением и, кроме злых духов и шаманов, никого не уважают и не почитают.

Но, несмотря на это родство, на общность нравов и обычаев, эти два воинственные народа перед завоеванием Восточной Сибири русскими находились в непримиримой вражде и терпеть не могли друг друга. Озлобление между ними принимало такие размеры, что каждое из этих племён непременно хотело в корень уничтожить другое и вырезать всех до последнего представителя. И только вмешательство русских в их распри спасло их от окончательного взаимного истребления.

Вот что произошло, например, уже после того, как на сцене Северо-Восточной Сибири появились русские.

В середине XVIII века уже не в первый раз возгорелась кровопролитная война между чукчами и коряками. Бешеная храбрость коряков не могла одолеть многочисленности чукчей, которые победили и вырезали коряков; только жалкие остатки их уцелели, укрывшись в горах Камчатки.

Прошло несколько лет, и мало-помалу коряки снова стали возрождаться, и снова началась у них вражда с их исконными врагами. Чукчи готовились уже опять напасть на коряков и вырезать их; но последние, видя неминуемую гибель от многочисленных врагов и несмотря на свою пламенную любовь к свободе и независимости, отдались под покровительство только что появившихся в то время в этих местах русских, прося у них помощи. Для их защиты русское правительство построило на берегу Охотского моря Гижигинскую крепость, гарнизону которой было приказано оберегать новых верноподданных от нападения чукчей.

Однако около 1780 года чукчи всё-таки напали на коряков, которые, укрывшись под стенами Гижигинской крепости, сначала храбро их отражали. Но чукчей было много, гораздо больше, чем коряков, и они не думали отступать. Скоро произошла решительная битва, коряки стали ослабевать, и победа явно клонилась на сторону

чукчей. Тогда комендант крепости приказал гарнизону выступить на помощь корякам. Огнестрельное оружие русских, неизвестное ещё в то время сибирским инородцам, dokonчило дело — и, несмотря на чудеса храбрости, выказанные чукчами, они были разбиты, а остервенившиеся коряки, горя местию за прежнее, не дали пощады никому.

Ночью русские солдаты услышали в окружающем крепость лесу чьи-то громкие причитания. Комендант послал узнать, что это такое, откуда происходят эти рыдания?

Посланные, возвратившись, сообщили ужасную весть. Оказалось, что это рыдали жёны павших на поле брани чукчей. Они привели сюда своих маленьких детей и, убивая их над трупами отцов, громко причитали:

— Кто нас будет поить-кормить? Кто нас будет лелеять и покоить? Где мы укроемся от лютых морозов? Злые уведут нас в неволю, изнурят работами и побоями, уморят голодом!

С ужасом комендант и солдаты смотрели на это изуверское детоубийство, пока комендант не догадался отдать приказ захватить изуверок и остановить убийство детей. Но было уже поздно: дети оказались все перебитыми.

Захваченных женщин отвели в казармы и предоставили в их распоряжение отдельное помещение. Но на следующую ночь солдаты снова услышали в помещении пленных женщин какое-то странное заунывное пение. Комендант, заподозрив, что опять творится что-то неладное, заглянул в казарму узнать причину этого похоронного пения, — и каково же было его изумление, когда он увидел, что Чукотки, дружески обнимаясь и прощаясь друг с другом, поражали одна другую, при пении погребальных песен, небольшими ножами, неслучайно спрятанными у их поясов в числе других украшений ...

Только немногих успели спасти вбежавшие солдаты; большинство погибло.

За оставшимися стали зорко наблюдать, чтобы не дать им возможности что-нибудь над собой сделать. Но они чахли не по дням, а по часам и отказывались от всякой пищи, решив уморить себя

голодом. Они выпросили, впрочем, у коменданта, как милости, разрешение каждое утро и вечер ходить на заре на место сражения, чтобы оплакивать погибших. Обратившись лицом туда, куда укрылись остатки побеждённых, они с горькими печальными причитаниями призывали их вернуться и отомстить победителям.

Большинство из этих уцелевших женщин в конце концов всё-таки уморили себя голодом.

XXVIII. На корякской свадьбе

Дорога давно уже шла то по льду реки Анадыри, то по которому-нибудь из её берегов. Однажды, проезжая по правому, корякскому берегу, путешественники встретили корякскую стоянку и, остановившись в ней на ночлег, попали как раз на коряцкую свадьбу.

Свадьба происходила в одном из самых больших шатров. Корякские шатры отличаются от чукотских только наружным своим видом, или вернее — одними лишь крышами: у чукотских шатров крыши бывают сведены куполом, тогда как корякские шатры покрываются конусообразным наметом. Внутреннее же их устройство совершенно одинаково: как в тех, так и в других устраиваются спальни или «полога», расположенные вдоль внутреннего циркуля шатра. В шатре, где происходила свадьба, было полтора десятка подобныхпологов.

В середине шатра вокруг огня собрались родные и знакомые жениха и невесты и угощались около расставленных на полу деревянных корыт варёной олениной, маниалой, мёрзлым салом и прочими корякскими лакомствами, мирно беседуя между собой. Нашим приятелям тоже освободили местечко, чтобы они могли принять участие в общей трапезе. Из разговоров с одним коряком, севшим с ними рядом и знавшим немного русский язык, они узнали, что прежде чем играть свадьбу, по заведённому у коряков обычаю, жених должен несколько лет поработать у своего будущего тестя, пася оленей, рубя лес, таская дрова и воду и проч. Этот подготовительный искус даёт возможность молодым людям ближе

познакомиться и приглядеться друг к другу. И лишь только после этого искусства назначается брачная церемония.

Пока коряк давал эти объяснения о значении предстоящего обряда, раздался вдруг мерный бой шаманского барабана; в ту же минуту входная занавес в шатёр приподнялась, и на пороге показался отец невесты с охапкой ивовых прутьев в руках, которые он раздал всем присутствовавшим на свадьбе женщинам. Во время этой раздачи бой барабана не прекращался, а по окончании её шаман запел сначала вполголоса, а потом всё громче и громче какую-то песню, мало-помалу перешедшую в дикое, неистовое завывание. Вслед за этим занавески во всех пятнадцати пологам поднялись, и при входе в каждый из них поместились по несколько женщин и девушек с ивовыми прутьями в руках. В ту же минуту один из наиболее почтенных коряков, по-видимому, игравший роль посаженного отца, вывел из ближайшего к двери полога за руки жениха и невесту. С их появлением музыка заиграла быстрее, и гости начали подпевать шаману, по временам оглашая воздух громкими криками.

И вот по сигналу коряка, выведшего молодых, невеста бросилась в первый полог и начала быстро бегать вокруг шатра по всем пологам, в то время как стоящие возле их входа женщины предупредительно открывали перед нею занавески. Жених пустился за невестой в погоню, но тут женщины, стерегшие входы в полога, стали всячески мешать ему изловить её: они опускали перед самым его носом занавески, хватили его за ноги и в то же время наносили ему очень чувствительные удары прутьями по задним мягким частям. Воздух оглашался барабанным боем, криками поощрения, свистом ивовых розог и громким хохотом присутствующих. Однако очевидно было, что, несмотря на все усилия жениха, ему не поймать невесты, если только та сама этого не захочет. И всё-таки, преодолевая все препятствия, спотыкаясь на каждом шагу, он продолжал бежать за ней. Но невеста уже оканчивала третий, последний условный круг, а жених не сделал ещё и двух. Но вот невеста укрылась в последнем пологе и остановилась, поджидая жениха и давая ему таким образом возможность поймать себя.

Музыка тотчас же прекратилась, и обряд был окончен. Молодые сделались мужем и женой.

— Ну, а что было бы, если бы невеста не дала возможности жениху догнать себя? — спросил Бельский у своего собеседника-коряка.

— А тогда свадьба не состоялась бы: значит, жених невесте неугоден.

После этой брачной церемонии прерванное пиршество возобновилось, и скоро некоторые из гостей оказались совершенно пьяными и одуревшими от настойки мухоморов, которую коряки употребляют в торжественных случаях вместо водки.

XXIX. Среди эскимосов

Достигнув устья реки Анадырь, путники отправились далее вдоль берега Анадырского залива на северо-восток к Чукотскому носу, где жили эскимосы. Дорога сначала пролегла по низменной, совершенно пустынной и безлесной тундре, а затем местность сделалась гористой, и им привелось ехать возле крутого обрывистого берега морем по льду.

Была уже середина апреля, когда путешественники в один прекрасный день увидели, подъехав почти вплоть, эскимосский посёлок. Жилища эскимосов, сделанные из торфа, наполовину были врыты в землю; балками служили рёбра и другие кости китов; свет в эти жилища проникал через отверстие на крыше, затянутое прозрачной перепонкой морских животных; вход устраивался под землёй.

Эскимосы небольшого роста, но плотные, широкоплечие и сильные люди. Это очень подвижный, весёлый, доверчивый и довольный народ; в особенности жизнерадостностью отличаются эскимосские женщины: они вечно смеются, выказывая при этом два ряда белых, как жемчуг, прекрасных зубов. Одна беда: — они не любят умываться, хотя и большие охотницы наряжаться и татуироваться. У мужчин существует отвратительный обычай прокалывать нижнюю губу у углов рта и в проделанные таким образом отверстия продевать осколок моржовой кости, к концам которой прикреплены

или цветные бусы, или кусочки кварца. Некоторые щёголи прокалывают себе даже носовую перегородку и сюда вставляют или раковину или костяную иглу. По их мнению, это придаёт им необыкновенно воинственный вид. Замечательно то, что у эскимосов — как у мужчин, так и у женщин — чрезвычайно маленькие и красивые руки.

Каяк эскимоса.

Этот народ очень искусен в изготовлении оружия, а также охотничьих и рыболовных снарядов. Весло эскимоса выложено с большим вкусом моржовою костью; копьё красиво вырезано; упругий лук, обвитый струнами, далеко и верно пускает почти саженную стрелу. Стрелы, предназначенные для больших зверей, имеют на конце острый кремьень или заострённую кость, стрелы же для птицы тупы и гораздо короче последних. Но в особенности эскимосы искусны в устройстве байдар, на которых они проводят всё лето в море, охотясь за морским зверем.

Эти байдары устраиваются следующим образом. Лёгкий, длинный и узкий деревянный остов обтягивается со всех сторон, за исключением отверстия в середине, непромокаемыми тюленьими кожами. Пловец сидит в такой лодке протянув ноги, и только туловище его выходит из среднего отверстия наружу; но это отверстие обшивается мешком, сделанным из тюленьих или моржовых кишок, и плотно затягивается вокруг тела под самыми руками, так что, как бы ни было сильно волнение на море, внутрь лодки не попадёт ни капли. Вооружённый лёгоньким веслом,

эскимос летит стрелою в такой байдарке по бурному морю, а если её иногда и опрокинет — не беда! Он живо сумеет справиться веслом и снова принять нужное положение.

Гренландские эскимосы.

В Сибири эскимосов очень небольшое число, всего несколько семей, да и те живут преимущественно у берегов Берингова пролива. Главная их масса рассеяна по северным берегам Америки и Гренландии. Это самый полярный народ, ближе которого к северному полюсу никто не живёт; их жилища распространены до 80° северной широты.

Наши два беглеца хотели ещё этою же весной перебраться по твёрдому льду через Берингов пролив, который в самом узком месте имеет не более 70 вёрст, но лёд становился уже ненадёжным, и эскимосы отказались сопровождать их на американский берег. Таким образом в ожидании, когда море окончательно очистится от льда, им пришлось жить среди этого мирного, добродушного народа.

Они поселились в хижине одного эскимосского семейства в качестве сожителей, по эскимосскому обычаю совершенно равноправных со всеми членами остальной семьи, и должны были делить с ними всё, что имели, и наравне с взрослыми охотниками добывать пропитание для всех. Так как у эскимосов всё лишнее составляет общее достояние всех, то скоро запасы табаку и чаю, привезённые с собою нашими приятелями, были поделены поровну

между всеми; но зато и они сами могли пользоваться всем, что имелось у эскимосов, не спрашивая чьего-либо разрешения.

В семейной жизни эскимосы отличаются миролюбием, и ссор в семье никогда не бывает. Если эскимос на кого-либо сердит, он выражает это только тем, что перестаёт разговаривать с обидевшим или чем-либо огорчившим его.

Наши друзья сблизились в особенности с одним молодым эскимосом по имени Кадлу. Это был добродушный, весёлый и отважный охотник. Они почти всегда неразлучно ходили с ним на охоту, удивляясь его ловкости, находчивости и хладнокровию в самых опасных положениях. Так, однажды, охотясь на тюленей, они увидели белого медведя, занимавшегося, по-видимому, тем же.

— Погодите, я один с ним слажу, — сказал Кадлу.

Он отлично говорил по-английски.

Вооружённый одним только длинным копьём, он позвал своих собак и начал натравливать их на зверя. Медведь сначала пустился наутёк, но, видя себя окружённым собаками, вступил с ними в драку. Собаки ловко увёртывались из-под ударов его лап, но едва только он намеревался улизнуть, как они вцеплялись в его ляжки и не пускали его. Тем временем Кадлу всё ближе и ближе подступал к зверю. Наконец, подойдя к нему почти вплотную и держа своё копьё обеими руками, он начал быстро прыгать перед медведем, от времени до времени умышленно обращаясь в бегство и этим вызывая его на преследование. Но едва только медведь вытягивал своё длинное, неуклюжее туловище, чтобы броситься на эскимоса, как тот отпрыгивал в сторону, а в этот момент собаки повисали с обоих боков медведя, и он принуждён был останавливаться. После нескольких таких манёвров, избрав подходящую минуту, когда зверь обратил голову к вцепившейся в него собаке, Кадлу с силою вонзил своё копьё под левую лопатку медведя. Медведь зарычал от боли и повалился на лёд: копьё угодило ему прямо в сердце.

— Молодчина! — подходя к охотнику, похвалили его приятели, бывшие молчаливыми зрителями этого поединка и с замиранием сердца следившие за всеми перипетиями этой оригинальной охоты, готовые прийти на помощь эскимосу.

Кадлу весело осклабился, вытирая пот со своего лица.

— Ух, упарился! — промолвил он.

— Много ты на своём веку убил медведей? — спросил Бельский.

— Кто их знает? Не считал. Каждый год по десятку, а в другой раз и больше бью.

— И ни разу ни один медведь тебя не тронул?

— Ну, как же! Всяко бывало. На моём теле не одна рана от когтей этого зверя. И если бы не выручали собаки, так давно был бы уже в царстве теней.

Между тем приближалось лето. Море начинало освобождаться от льда. Эскимосы стали готовить свои байдары и умьяки, чтобы при первой же хорошей погоде отправиться на ту сторону Берингова пролива к устью реки Юкона, где они промышляли по летам, занимаясь главным образом рыбной ловлей.

Наши приятели начали учиться плавать и управлять байдарой, но это давалось не легко, и им часто приходилось принимать невольные морские ванны. После нескольких неудачных попыток они принуждены были отказаться от мысли совершить путешествие через Берингов пролив в эскимосской байдаре и примириться с мыслью сделать эту переправу в умьяке вместе с женщинами и детьми, — хотя, по мнению эскимосов, плавание в умьяке для взрослого мужчины — верх унижения.

XXX. Американские китоловы-контрабандисты

Вскоре после того, как море окончательно очистилось от льда, однажды на горизонте показалось какое-то судно. Несколько эскимосов тотчас же вскочили в свои байдары и отправились узнать, не купеческое ли это судно, которое могло бы скупить у них заготовленные за зиму меха. Действительно, судно оказалось американским китобойцем, контрабандно производившим в русских водах охоту за морским зверем и скупавшим у русских инородцев продукты их промыслов. Эскимосы закричали капитану, что у них есть что продать, и просили его пристать к берегу.

Когда судно остановилось на якоре и отправило на берег лодку, чтобы забрать у эскимосов их товары, Назаров с Бельским съездили на судно и переговорили с капитаном, который согласился взять их с собой в качестве пассажиров, при чём за проезд и продовольствование они отдали ему все те меха, которые были добыты ими охотой во время проживания у эскимосов.

Итак, все их мытарства скоро должны были окончиться!

Но судно шло ещё не в Америку, оно только что начинало свой рейс и направлялось в Северный Ледовитый океан к берегам Восточной Сибири, где китоловы занимались летом морскими промыслами. Однако это не смущало наших приятелей. Ждать другого случая попасть на американское судно было бы неблагоразумно: такого случая могло бы и не подвернуться за всё лето. А быть в компании европейцев в сравнительно культурной обстановке было для них несравненно приятнее, чем жить среди диких инородцев, где они лишены были самых элементарных культурных удобств и предметов необходимости. И хотя контрабандисты-китоловы были народ по большей части довольно буйный и более грубый, чем инородцы, но всё-таки, как-никак, а это были люди свои, европейцы.

До глубокой осени проездили наши приятели с американцами, охотившимися за китами, моржами и тюленями, и только тогда, когда уже наступили холода, судно вернулось через Берингов пролив в Берингово море, чтобы попытать счастья ещё около берегов Камчатки в охоте на морских котиков.

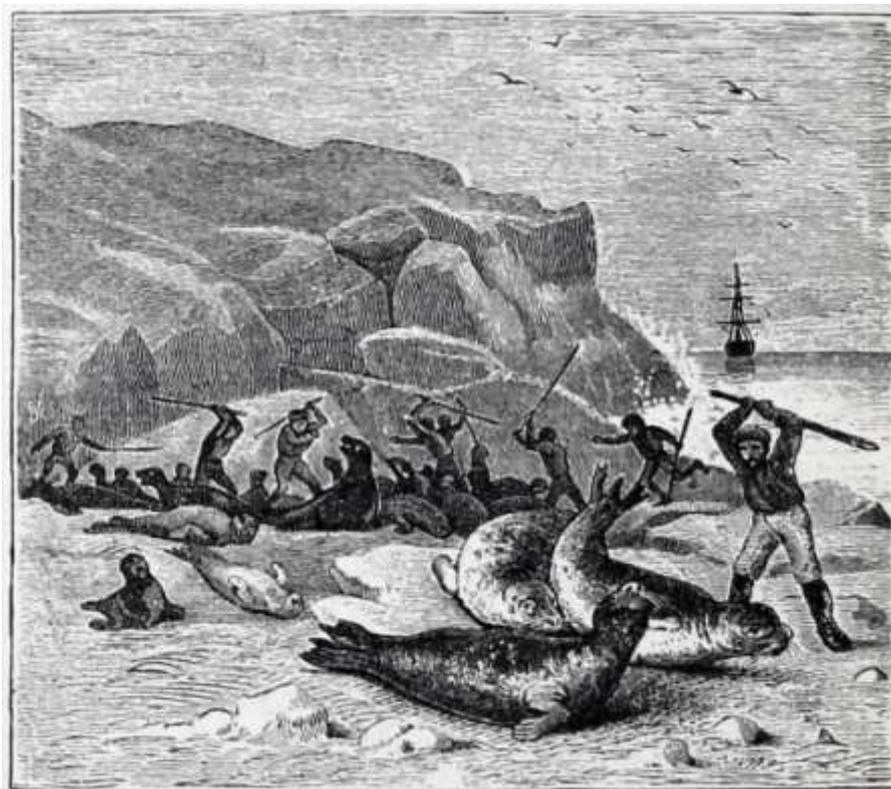
Но тут едва не случилась великая беда для наших двух друзей.

Однажды с судна увидели на берегу одного острова, находившегося в русских владениях, громадное стадо котиков. Капитан приказал спустить лодки. Вооружённые заготовленными для этого рода охоты дубинами, матросы вышли на берег и, подкравшись к стаду, начали беспощадное избиение морских зверей.

Но во время самого разгара этой бойни вдруг с судна раздался тревожный свисток, призывавший экипаж немедленно же возвратиться обратно.

Все бросились в лодки и скоро очутились на судне, желая узнать, что случилось. Но объяснять этого не нужно было, так как на

горизонте ясно обозначилось русское судно береговой охраны, быстро приближавшееся к американским контрабандистам. И едва только капитан отдал приказ отчаливать, как с русского судна раздался предупредительный пушечный выстрел, требовавший остановки.

Избиение котиков.

Наши приятели были в величайшей тревоге. Что если они вместе с контрабандистами будут арестованы, отвезены во Владивосток, и там обнаружится их личность? Быть накануне свободы после стольких мытарств, и вдруг снова очутиться в неволе — одна мысль об этом казалась им невыносимой. Они с замиранием сердца ждали, что сделает капитан: обратит ли он внимание на предупредительный выстрел и остановится, или пойдёт наутёк, рискуя быть расстрелянным с русского судна? Они желали бы лучше умереть, чем снова очутиться в прежнем положении.

Однако капитан был старый и смелый морской волк. В ответ на предупреждение он приказал развести полные пары и полным ходом стал уходить от преследования. Весь вопрос теперь заключался только в том, которое из двух судов обладало более быстрым ходом.

Когда на русском судне убедились, что предупредительный выстрел не подействовал, тотчас же открыли по убежавшему контрабандисту канонаду ядрами, которые то и дело свистали над головами беглецов. Но вскоре расстояние между контрабандным судном и преследовавшим его русским явно стало увеличиваться, так как ядра стали ложиться позади, не долетая. Беглецы вздохнули свободнее. Наконец от русского судна остался видим один только дымок на горизонте, — и оно прекратило преследование.

Через несколько дней после этого американское судно входило уже в гавань в Сан-Франциско, и наши друзья бодро смотрели на будущее в новой для них стране свободных американских граждан.

КОНЕЦ

Санкт-Петербург
Книгоиздательское Товарищество «Просвещение»
1913 г.

OCR Андрей Дуглас